

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Зленица
ДИКАРЯ
МЭРИ РОЙС

Мэри Ройс

Пленница Дикаря

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67646525

SelfPub; 2024

Аннотация

Вместо свадьбы с любимым человеком я оказываюсь в плену варвара. Одна случайная встреча переворачивает мою жизнь с ног на голову, и теперь я принадлежу Дикарю. Поддаться или выбрать свободу? Вернуться к прежней жизни или окунуться в огонь страсти, который изменит меня навсегда? И, кажется, я знаю, что выберу...

Мэри Ройс

Пленница Дикаря

Пролог

Ада

– Говард, ты отправил меня на погибель. Миссис Митчелл меня проглотит, не успею я даже ступить за порог.

– Милая, не делай из моей бабушки монстра, – мелодичный голос жениха раздается в динамике телефона.

– Она ненавидит меня! Как ты себе представляешь нашу встречу без тебя? – я расстроено хныкаю, призывая будущего мужа посочувствовать мне.

– Дорогая, скажи спасибо моему секретарю, который забыл перенести совещание. Ты надела платье, которое я купил? – лукаво спрашивает Говард.

– Нет, старушечий наряд я оставила специально для первой брачной ночи с тобой.

– Жаль, бабуля бы оценила, – мягко смеётся он.

– Ну хватит издеваться, – шутливо возмущаюсь я, но тут же отвлекаюсь на живописные виды, что начинают мелькать за окном. – Говард, почему мы раньше не выбирались из каменных городских стен? Дикая природа Америки просто великолепна!

– Ада, смотри на дорогу, а не по сторонам. С твоим везением ты и на пустой трассе устроишь аварийную ситуацию.

– Ты зануда! – вздыхаю я, продолжая с любопытством оглядываться по сторонам.

Невозможно смотреть на дорогу, когда вокруг такая красота. Я обязательно воспользуюсь предоставленной возможностью и отправлюсь в лес. В такой эффектной местности я создам настоящий шедевр, и люди смогут погрузиться в здешнюю атмосферу, сидя в офисе или в кирпичной городской коробке.

– Детка, не могу больше говорить. Целую. Не съешь мою бабулю, – и Говард обрывает телефонный разговор. «Ага, еще кто кого...»

– Целую... – шепчу в трубку, из которой уже доносятся гудки.

Я кидаю телефон на соседнее сиденье и заставляю себя сосредоточиться на дороге.

Сиэтл остался позади, и городские небоскребы сменились высоким забором из тёмных остроконечных елей. Дорога извилистая и пустынная. А над ней склоняются могучие еловые ветви, словно лапы медведя. Пугающее и одновременно завораживающее зрелище.

До Форкса ехать почти три часа, а с моей скоростью это будут все четыре... Чувствую, что по приезду моя попка окончательно превратится в квадрат.

Не люблю длительные поездки, меня они утомляют, но

дискомфорт в теле от долгого сидения затмевает приятное предвкушение того, что впереди ждёт прекрасное путешествие по сказочному лесу. Только вот все омрачает мысль о неизбежной встрече с главой семейства – Опррой Митчелл. Бабушкой Говарда.

Единственный любимый внук, в кошелёк которого вцепилась бедная еврейка... Да, именно такого обо мне мнения моя будущая родственница. Она утверждает, что своими «рисунками» я ничего по жизни не заработаю, а Говард для меня всего лишь источник денег. Обидно, когда твою жизнь считают никчемной. А ведь картины – это как воздух для меня. Я пишу их не для того, чтобы заработать и стать знаменитой. Нет, я делаю это, потому что хочу, чтобы искусство, струящееся по моим венам, скрашивало серые будни городской жизни. К богатству я не стремлюсь, так как привыкла довольствоваться малым, и меня это устраивает. Но моя мать другого мнения, и именно поэтому я отучилась на дизайнера. Эта сфера все же самая близкая к моему творчеству и приходится мне по душе.

Два года назад я отправила свою работу на конкурс, и со мной связалась одна из крупных дизайнерских компаний Сиэтла. Меня пригласили на собеседование, и когда я пришла в элитную высотку в центре города, то первая мысль была – убежать. Но трусость – это не про меня. И за свое упрямство я получила награду: именно на собеседовании произошло судьбоносное знакомство с Говардом, который по сов-

местительству оказался хозяином компании. Он принял меня на работу, и буквально через пару месяцев у нас закрутился роман, а неделю назад он сделал мне предложение.

Но свадьба не состоится, если глава семейства не даст своего согласия и не явится на торжество. А, как я уже говорила ранее, его бабушка не переносит меня на дух. Для единственного наследника их семейного бизнеса была приготовлена невеста из состоятельной семьи, и, увы, это не я. Но, как говорится, сердцу не прикажешь, и мы с Говардом полюбили друг друга. А сегодня мне придётся в одиночку отвоевывать у самой стервозной женщины планеты свое место под солнцем. Но мало кто знает о строптивом характере Ады Кац. Сдаваться я не привыкла. И за свое счастье поборюсь сполна.

Мои невеселые мысли исчезают, когда я перевожу свое внимание на пейзажи невероятной красоты. А когда вижу огромные ели, из-за которых торчат острые пики скалистых гор, моя муза тут же начинает капризно умолять: «Хочу, хочу, хочу!»

И я хочу! Внутри меня вспыхивает бешеное желание перенести на холст эти прекрасные горы! До заката ещё далеко, а до Форкса осталось всего тридцать миль, успею до темноты. Я решаю не откладывать свой внутренний порыв и останавливаю машину на обочине. Открываю багажник и достаю вещи. Идти в лес в платье не лучшая идея, поэтому, осмотревшись по сторонам и убедившись, что вокруг ни души, я

быстренько снимаю сарафан и надеваю спортивные лосины и топ. Зашнуровав кроссовки, цепляю на плечи рюкзак и беру чемодан с художественными принадлежностями. «Я готова к подвигам!» – заголосила моя муза, а в душе все трепещет от предстоящей прогулки по загадочному лесу.

Я направляюсь по узкой извилистой тропинке в чащу. Магическая атмосфера тут же окутывает и погружает в глубокую тишину, что позволяет мне полностью слиться с природой. «Великолепно!» – вновь мурчит моя муза.

Окружающий пейзаж похож на ожившее произведение искусства, при этом я чувствую в воздухе трепетное дыхание леса. Пышные кроны накрывают величавые дубы, словно плащ, а богатырские стволы обтянуты мягким зеленым мхом. Матушка природа заботливо укутала свое родное дитя. У царственных корней раскинулись папоротники, оживляя картину своей ажурной листвой. А чудный запах свежей травы и пряной хвои придаёт мне еще большего энтузиазма.

Незаметно для себя, я уже взбираюсь по каменистому склону холма. Мое тело тянется вверх, словно невидимые крылья несут меня туда, откуда я смогу увидеть желанные горы. Мистическая аура леса опьяняет и заставляет забыть про реальность, или это мое творческое воображение так разыгралось...

Пока я поднимаюсь, картина леса постепенно меняется. На смену лиственным деревьям приходят гордые ели. Рас-

кидистые ветви нависают над моей головой, как руки великана, некоторые из них касаются моих волос, щекоча колючими иглами. Наконец, я достигаю вершины, с которой открывается вид на рельефный водопад, впадающий шелковыми нитями в черное озеро. А над этой роскошной картиной восседают исполинские горы, и большие кучевые облака укутывают их, как пуховое одеяло.

Я достаю складной мольберт, холст на подрамнике, раскладываю принадлежности для живописи и приступаю к самой приятной части. Легкими движениями кисти я добавляю на девственно-белое полотно яркие краски нетронутой природы и сама не замечаю того, как сознание погружается в творчество и окружающий мир просто исчезает.

Лишь последние лучи солнца, которые острыми шипами начинают пробиваться из-за скал, напоминают мне о том, что я уже прилично задержалась. И, несмотря на это, закончить полную картину я всё равно не успела, но мысленно успокаиваю себя тем, что у меня будет возможность доделать её завтра на обратном пути. Аккуратно упаковываю холст и рабочие инструменты обратно в чемодан. У моего любимого увлечения есть один минус: когда я беру в руки кисть, меня засасывают зыбучие пески творчества, и время останавливается.

Напоследок вбираю полные лёгкие свежего воздуха и уже поворачиваюсь, чтобы отправиться в обратный путь, как увиденное в темноте леса полностью обездвигивает меня,

словно ноги обвили могучие корни деревьев.

Впереди виднеется громадная фигура человека, который нагло пожирает меня голодным взглядом. Тело молниеносно пробивает дрожь, а в груди все безжалостно сжимается от страха.

Патлатый титан начинает медленно приближаться, и каждый его новый шаг заставляет меня задыхаться.

Внешний вид незнакомца будит во мне настоящий ужас. Его грубоватое, суровое лицо покрыто густой щетиной, а одежда в грязи и изорвана... Надвигающаяся опасность запускает в кровь максимальную дозу адреналина, и жизненные силы возвращаются ко мне. Я срываюсь с места и устремляюсь вглубь леса. Мне абсолютно не важно, куда, главное – подальше от него.

Вокруг все как в тумане. Мозг лишь урывками фиксирует детали, но в основном я бегу вслепую, словно на моих глазах шторы, которые мешают обзору. Сумерки полностью поглотили лес, и светлая сказка исчезла вместе с последними лучами солнца. От быстрого бега ноги начинают гореть, а голова кружится – от передозировки кислородом. Из-за паники дыхание окончательно сбивается, и мозг уже не отслеживает картины, которые передают ему мои затуманенные глаза. Последнее, что я помню, – это жесткий удар, после которого я обмякла и погрузилась в темноту...

Меня разбудила ноющая головная боль. Не в силах раскрыть глаза, я на ощупь присаживаюсь на дощатом полу и, дотронувшись рукой до лба, шиплю от легкого жжения. Но дискомфорт уходит на второй план, когда я поднимаюсь и начинаю осматриваться вокруг.

В первую очередь мне бросается в глаза дровяная печь от пола до потолка. Затем – массивный стол со стульями в этническом стиле. Я постепенно прихожу в себя и осознаю, что нахожусь в скромной кухне, где деревянная мебель украшена грубым резным орнаментом. Как дизайнер интерьеров, я могу угадать темперамент мастера по его творческому почерку. Здесь в манере резьбы, в необычных штрихах чувствуется личная сила и решительность. Не смотря на то, что помещение достаточно обжитое и вполне чистое, мне совсем не хочется здесь оставаться. И я решительно покидаю кухню, с осторожностью озираясь по сторонам. Очень непривычная обстановка, особенно для глаз городского жителя.

Замечаю лестницу на второй этаж и, ведомая любопытством, я поднимаюсь наверх. Бегло осматриваю две комнаты, но сердце пропускает гулкий удар, когда в одной из них я обнаруживаю спящего на кровати мужчину. В мое сознание возвращается оборванный вчерашний вечер, и болезненные мысли мгновенно охватывают голову. Пульс лихорадочно возрастает, и возникает неукротимое желание бежать. Бежать! Но куда?

Больше не задумываясь ни на секунду, я пускаюсь наутек. Но вместо желанного выхода, по пути натыкаюсь на помещение, которое по всем признакам является мастерской. Замираю, судорожно оглядываясь по сторонам. И моё внимание привлекает множество статуэток, вырезанных из дерева, вот только рассмотреть я их не успеваю: шум приближающихся тяжелых шагов заставляет меня вернуться в реальность. Чувство тревоги вновь заполняет мой разум, пока я мечусь в поисках спасительной двери, чтобы оказаться за пределы этого жуткого дома.

Когда я выбралась на улицу, моя паника только усилилась. С ужасом понимаю, что это место полностью изолировано от цивилизации. Вокруг непроходимый густой лес, я замечаю только одну заросшую тропу, которая ведет в чащу. Осознание того, что я ничего не могу сделать для своего спасения и вот-вот встречу с пугающими последствиями моего бегства, запускает по телу неприятный озноб. Я машинально осматриваю дом снаружи и принимаю жалкие попытки успокоиться. Взять себя в руки. Словно отчаянно пытаюсь убедить себя, что в этом пугающем мужчине есть хоть капелька человечности. Всё же живёт он не в берлоге... Я торопливо пробегаюсь испуганными глазами по хижине, которая возведена из крупных бревен. Взгляд задерживается на разбитых окнах, заколоченных массивными досками, – порывы ветра завывают в них тоскливую песню. Мрачновато. Но эта деталь смягчается уютной террасой и балкончиком, который

порос зелёным мхом. Что-то есть в этом доме от немецкого стиля... И все же пустые стулья на террасе мистически намекают, что на них недавно кто-то сидел... От таких тревожных мыслей по спине пробегает колючий холодок.

В тот же миг мои невеселые размышления прерывает звериное рычание, подобное жуткому хрипу. Я медленно оборачиваюсь, и глаза застилает пелена ужаса. Передо мной в царственной стойке свирепо скалится хищник. Его белоснежная шерсть отликает серебром, подчеркивая внушительные размеры животного. А развитая челюсть опасно оголена, демонстрируя смертоносные зубы. Я делаю неуверенный шаг назад, но реакция волка сковывает мои движения, и я замираю: уши зверя натянулись, как струны, а мощные лапы напряглись, будто приготовились к рывку.

– Шима! – голос Дикаря вонзился в мою спину подобно стреле. – Каго! [Не тронь!] – его приказ прозвучал так грозно, что я готова сама его исполнить – если бы понимала суть незнакомых слов.

Хищник тут же ошетиливается и, бросив напоследок злобный прищур, ловким прыжком скрывается в кустах. Но спокойно выдохнуть не дает ощущение взгляда, прожигающего меня со спины.

Моё дыхание окончательно сбивается, когда стальная груда мышц касается меня, и я моментально отскакиваю в сторону, словно тело обожгла раскаленная лава. А, представшая перед глазами картина, заставляет сердце болезненно сжать-

ся в груди.

Надо мной возвышается атлетически сложенный, здоровенный верзила с тяжёлой нижней челюстью. Я неотрывно смотрю на него, оцепенев от внушительных размеров и в то же время изумлённая ими. И, словно вросшая в землю, я с нездоровым интересом опасливо изучаю эту громадину.

В дневном свете у меня получается разглядеть его суровое лицо с изогнутым шрамом, пересекающим левый глаз. Густые, каштановые волосы рассыпаны по широким плечам. Глаза – карие с золотым ободком – будто гипнотизируют меня, и я задерживаю на них взгляд неприлично долго, не замечая, как он приближается ко мне вплотную.

Мужчина аккуратно касается моего лица, а затем жёсткие пальцы скользят по щеке, очерчивая скулы. Прикосновение его грубой руки мгновенно вырывает меня из ступора. Отчего моя челюсть тут же с силой сжимается, так, что раздаётся скрежет собственных зубов.

И Дикарь замечает мое напряжение.

– Вохпи вин [Прекрасная женщина], – раскатистый бас отдается дрожью во всем моем теле, и я выдергиваю лицо из его хватки.

– Не трогай меня! – сипло выкрикиваю я. Видимо, адреналин, который зашкаливает в моей крови, напрочь выключил инстинкт самосохранения. Здравый разум не перестает твердить, что наедине с таким зверем не испытывать страх просто нереально. Но это только разум, мое тело стоит в обо-

ронительной позиции и, несмотря на внутренний ужас, оно не намерено сдаваться.

– Хм, – хриплое дыхание касается моей кожи, и мне это не нравится. Я делаю шаг назад, но его ладонь железной хваткой цепляет меня за руку, лишая возможности отстраниться от него. Видимо, этот дикарь не понимает нормальной человеческой речи.

Рывком он притягивает меня обратно к себе.

– Витко! Эчуншни йо [Глупая! Не делай этого], – глубокое рычание вырывается сквозь зубы дикаря и он толкает меня в сторону дома.

– Тима эйайа йо [Иди в дом], – долетает мне вслед. Если бы я понимала его язык, возможно, сделала бы то, что он хочет. Но одно я поняла точно: сбежать у меня не получится. Не он, так волки настигнут и раздерут в клочья. И снова его касание ошпаривает мою кожу. Тяжелая ладонь варвара грубо ложится на поясницу, и он подталкивает меня в сторону хижины. За жалкую секунду я ускоряю свой шаг, чтобы избежать дальнейших прикосновений этого мужчины.

Уже представляю, как Опра потирает ручки и ехидно улыбается, ведь противная невестка пропала бесследно... ещё и угодила в лапы дикаря.

Я захожу в дом и сразу поднимаюсь по лестнице на второй этаж, в надежде найти укромный уголок подальше от лютого зверя, но меня останавливает его низкий голос. Усилием

воли я принуждаю себя обернуться.

– Лойачин уо? [Ты голодна?] – скрестив на груди руки, Дикарь устремляет на меня прожигающий взгляд.

Он издевается?! Что я должна ему ответить на этот сумбурный набор букв?!

Но моё молчание ему не нравится, и уверенными шагами он сокращает расстояние между нами. Я инстинктивно прычусь вверх по лестнице, но его цепкая рука хватается мою щиколотку, резким движением дергая меня вниз – и я болезненно пересчитываю ступени своей задницей. Чувствуя, как моё лицо искажается от боли.

Дикарь подается ко мне, прибывая всем своим весом к деревянным ступеням. Мое нежное тело не привыкло к такому грубому обращению, но болевые ощущения притупляются его близостью. Сейчас мне страшно. Его пылающее дыхание обжигает нежную кожу, а недобрый взгляд не дает вздохнуть полной грудью.

Внезапно он отстраняется и снова выдает приказ на неизвестном мне языке.

– Инанжинийо! [Встань!] – угрожающе слетает с его губ.

– Я не понимаю тебя! – кричу я, глядя ему прямо в глаза, и тут же вжимаюсь в ступени. Он делает выпад вперёд и, хватая меня за руку, рывком скидывает с лестницы. Очередная порция боли пронзает моё тело, но у меня нет времени на слезы. Надо бежать отсюда. И как можно скорее.

Я сжимаю руки в кулаки, ощущая, как страх вперемешку

со злостью бурлит в моих венах. Смелости придает мысль, что если бы хотел убить – убил бы сразу. Хотя, возможно, жизнь под его властью будет хуже смерти.

Следующим движением я бросаюсь к двери, но ватные ноги подводят меня, и, запнувшись о развязанный шнурок, я падаю пластом на пол. Дикарь в то же мгновение оказывается рядом и поднимает меня за шкуру, отчего мой топ начинает трещать по швам.

– Убери от меня руки! – не переставая кричать, я поднимаюсь с его помощью на ноги и начинаю отталкивать мужлана. Волосы у меня все спутались, и неряшливые пряди падают на лицо. Ей богу, я сама выгляжу как дикарка, в разорванном топе и с растрепанной шевелюрой. Но сейчас для меня это всё не важно. Чувствую, как в ушах бьётся собственный пульс, а моя грудь лихорадочно вздымается и падает в такт неровному дыханию.

Молча пронзаю его свирепым взглядом исподлобья. Но попыток бежать больше не принимаю...

Все мое тело напряжено, я как оголенный нерв. И, видимо, наши характеры схожи, ведь его тоже раздражает моя реакция. Нервно дернув головой, он издает рык и, хватая меня за шею, грубо усаживает за стол. Я цепляюсь руками за края столешницы и пытаюсь оказать ему сопротивление, но это бесполезно. Словно скала, Дикарь придавливает меня к стулу и, схватив за волосы, задирает мне голову.

– Витко вин! [Глупая женщина!] – рявкает он, касаясь ли-

ца своей жёсткой щетиной.

Мои ноздри шумно вбирают воздух, а челюсти сводит от того, как сильно я их сжимаю. Дикарь небрежно откидывает мою голову и стремительно удаляется. Но я решаю не искушать судьбу и не двигаюсь с места. Сажу и жду. Не понимаю, чего от меня хочет это животное. Мысль о том, что лучше бы он меня убил, кажется не такой уж и плохой...

«Говард, надеюсь, ты успеешь найти меня вовремя...» – тоскливо проносится в голове.

Мои тревожные мысли обрываются, когда на стол шлепается шматок мяса и черствый кусок хлеба. А затем в деревянную столешницу вонзается нож, и я вздрагиваю от неожиданности. Дикарь садится напротив и пристально изучает меня. От его плотского взгляда становится не по себе, и я аккуратно поправляю спавшую ляжку топа. Его глаза тут же чернеют, и он откидывается на спинку стула, жестом показывая, чтобы я отрезала кусок мяса. Ну, по крайней мере, я так истрактовала его приказ.

Неуверенно поднимаюсь на ноги и пытаюсь вытащить нож, который плотно вогнан в дерево. Замечаю, как Дикарь следит за каждым моим движением, но его глаза нагло устремляются прямо в вырез декольте, который неприлично оголяет грудь из-за того, что ткань топа разорвана.

– Не смотри! – огрызаюсь я и прикрываю рукой вырез.

Он ядовито оскаливается и тут же поднимается с места, настигая меня. Я не двигаюсь, лишь сильнее сжимаю края

стола. Дикарь подходит вплотную. Слишком близко, отчего в горле образуется ком. Одним легким движением он вынимает нож и демонстрирует острый наконечник перед моим лицом. Я судорожно перевожу взгляд с лезвия на его глаза, и следующее движение лишает меня воздуха: он цепляет ножом остатки топики и с треском разрывает его.

– Нет! – тут же срывается с моих губ пронзительный крик, и я скрещиваю на груди руки, пытаюсь защитить себя от его разъедающего взгляда, пока он жадно впитывает обнаженные участки моего тела. И до меня доходит ужасающая догадка, почему я ещё жива...

Дикарь наклоняется к моей шее, тем самым пугая меня ещё сильнее. Он медленно проводит носом по чувствительной коже, намеренно царапая её щетиной.

Мужчина утробно рычит, а его тяжёлое дыхание вонзается, как огненное копьё, продирая до костей палящим зноем.

Из моей груди вырывается непроизвольны вздох, и тело отзывается волнами колючих мурашек, вспыхивающих внизу живота адским пламенем.

Он жадно вдыхает мой запах, обвивая тоненькую талию варварскими руками, и жестко стискивает ее, вновь вырывая из моей груди стон. Я трясусь в его мертвой хватке, как осинный лист. А Дикарь наслаждается своей властью и хрипит, глядя мне в глаза: «Ле митава [Это мое]», пробегая шерша-

вым пальцем по моим губам.

Я тут же выдергиваю подбородок и отворачиваю голову. Если он не сбавит свой натиск, я впаду в гипоксическую кому. И не в силах выдержать опасную близость, упираюсь ладонями в его грудь, но тут же убираю их. Сплошной камень. Становится жутко от того, что это не человек, а скала из мышц.

Ехидно ухмыльнувшись в ответ на мою реакцию, зверь отстраняется. Он садится на свое место и указывает мне на мое. В таком виде хочется провалиться сквозь землю, а не сидеть на его обозрении. Но особого выбора нет. Провоцировать его после такого натиска желание отпало. Дикарь отрезает кусок вяленого мяса, и до меня доносится аппетитный аромат. От запаха еды желудок сдавливают невидимые тиски. В последний раз я ела перед отъездом из города. Из-за стресса чувство голода притупилось, но провокационный аромат агрессивно подействовал на мои инстинкты.

Дикарь замечает мои голодные глаза. А я с трудом сдерживаю себя, чтобы не вырвать еду из его рук. Единственное, что мне дозволено – молча давиться собственной слюной, глядя на то, как он тщательно пережевывает пищу. Отрезав небольшой кусок мяса, мужчина вновь поднимается с места и приближается ко мне. Отчего я сильнее сжимаю руки на груди и гневно сдвигаю брови, направляя на него озлобленный взгляд. Дикарь протягивает мне мясо, я пару секунд смотрю на него, но ноющий желудок принимает решение за

меня, и я тянусь рукой к заветному куску. Однако мужлан отдёргивает его в сторону и тут же подносит к моим губам, вновь унижая и диктуя свои правила.

– Я лучше с голоду сдохну, чем буду есть с твоих рук! – шиплю я сквозь зубы. Его глаза тут же вспыхивают гневным пламенем. Швырнув кусок мяса на стол, он рывком поднимает меня со стула и тащит в неизвестном направлении. Верзила так скрутил меня, что я даже пискнуть не могу. Из-за моих брыканий волосы закрыли обзор, но по звуку я понимаю, что мы вышли на улицу, а в следующее мгновение я жестко плюхаюсь задницей прямо на землю. Трясущейся рукой убираю с лица волосы и вижу, как передо мной закрывается дверь в клетку.

– Витко! [Глупая!] – рявкает Дикарь и направляется обратно в дом. Это слово уже звучит как мое второе имя. Но что-то мне подсказывает, что перевод меня не обрадует. Я заперта под замком в клетке, как дикое животное. Ненавижу! Хотя, с другой стороны, лучше здесь, чем под одной крышей с дикарем. Я присаживаюсь в угол, облокотившись спиной о решетку. Но моё тело пронзает очередной импульс страха, когда я вижу перед собой громадный клубок черной шерсти...

Замечательно! От одного зверя к другому...

Я просидела остаток дня в напряжении, присутствие опасного хищника не позволяло моему телу расслабиться ни на секунду. Но за всё это время волк даже с места не сдвинулся. Постепенно на смену страха пришло любопытство и безрассудство. Два верных моих спутника неприятностей. Не знаю зачем, но, поднявшись на ноги, я аккуратно приближаюсь к дикому животному. Хочу убедиться, дышит ли он, но гулкое рычание вынуждает меня отпрянуть в другой конец клетки.

Волк медленно высовывает голову и, лениво окинув меня взглядом, прячет морду обратно в шерсть. Я бы сейчас тоже от теплой шкурки не отказалась. Вечером температура воздуха значительно спала, а ждать человеческий поступок от этого дикаря – гиблое дело. Поэтому я стараюсь согреться собственными силами, но с приближением ночи все мои попытки становятся тщетными.

Беспощадный озноб берёт моё тело в свою власть. Жгучий холод пронзает уже замёрзшую кожу мелкими иглами, отчего даже зуб на зуб не попадает. Дыхание становится прерывистым, а конечности немевают, лишая возможности двигаться.

Замечаю, как спокойно Дикарь наблюдает за мной с балкона, но он зря тратит свое время. Молить о пощаде я его не стану.

Постепенно надо мной нависает тягучая тишина, и, незаметно для себя, под собственное клацанье зубов, я погружа-

юсь в ледяную бездну...

Не знаю, сколько прошло времени, но проснулась уже от ощущения тепла. Я не сразу понимаю, что происходит, и прикладываю все усилия, чтобы открыть глаза. Кругом одна чернота, словно непроглядная тьма окутала меня, но в следующий момент я улавливаю запах псины, что вызывает во мне прилив дикого ужаса.

Вокруг меня свернулся тот самый волк, согрев меня, когда я замерзала. Грустная ухмылка трогает мои губы: волк оказался человечнее. Такой щедрый поступок животного поражает меня в самое сердце, и, откинув в сторону свои сомнения, я сильнее прижимаюсь к нему.

Вздрагиваю, когда его мокрый нос утыкается в мою ладонь; переборов свой страх, я запускаю руку в густую шерсть животного и ласково чешу за ухом. Словно большой пес, он начинает ластиться о мою ладонь, и я не могу сдержать улыбки. Это самое удивительное событие, что произошло со мной за двадцать семь лет.

Мой спаситель. И я обязательно его отблагодарю, когда выберусь отсюда.

Отвлечённая собственными размышлениями, я провожу рукой вдоль туловища зверя и в тот же миг прихожу в ужас от того, насколько он истощен. Ребра можно пальцами пересчитать.

– Бедный, – с нежностью шепчу я и вновь чешу его за ухом. – За что он так с тобой? Тоже не хочешь жить по его

правилам? Ну ничего, малыш, мы ещё дадим отпор этому дикарю.

Я обнимаю волка за жилистую шею и постепенно погружаюсь обратно в сон.

Следующий день тянулся еще медленнее. Из-за головокружения ко всем мучениям добавилось ощущение тошноты. Но при всем моем желании вызвать рвоту, это было бы актом мазохизма. Внутри полный вакуум. Пустота. От внеплановой голодовки живот болезненно крутило, а перед глазами беспорядочно танцевали серые точки. Слабость затрудняла мои передвижения, и я пыталась заставить себя погрузиться обратно в сон, чтобы хоть как-то отвлечься от голода и сохранить последние жизненные силы. Я из тех людей, кто не переносит голодовки, и двое суток без еды меня сильно подкосили. Голод испытывает на прочность, ломая принципы и управляя нашим подсознанием. И меньше всего я хотела умереть из-за собственной глупости.

Но резкий запах еды начинает раздражать мои ноздри, пробуждая от мучительного сна. Сощуриваю глаза и пытаюсь всмотреться, откуда доносится одуряющий аромат, который болезненно свинчивает желудок в своих тисках.

Я поднимаю затуманенный взгляд – передо мной стоит неподвижная гора мышц. Громадную фигуру обвивают лучи

солнца, играя в темных волосах мужчины.

Судорожно нащупываю руками мягкую шерсть волка, но рядом его не обнаруживаю. Бегло осматриваю клетку и замечаю хищника лежащим в противоположном углу. Волк демонстративно игнорирует присутствие Дикаря. Истинного зверя невозможно сломать. В сравнении с ним я как одомашненная овечка, которая капризно потопала копытцем, а теперь расплачивается за свое упрямство. Мне стыдно перед моим спасителем за свою слабость, но я хочу жить...

С этими мыслями я неуверенно встаю на четвереньки, и руки тут же пробивают дрожь. Превозмогая упадок сил, с осторожностью становлюсь на колени. Не хочу даже представлять, как я выгляжу со стороны. А выгляжу я жалко.

Валяюсь у мучителя в ногах, как голодная собака – выпрашивая кусок еды.

Очередная порция унижения от Дикаря. Получите и распишитесь.

Мне уже плевать на то, что моя грудь оголена и выставлена на всеобщее обозрение. Я лишь поднимаю на него пустой взгляд, безмолвно принимая своё поражение... Говард всегда носил меня на руках, пылинки сдувал, и такое варварское отношение мне просто незнакомо...

Мужчина опускается на корточки, но даже в этой позиции он возвышается надо мной. Я морщусь и сглатываю сухой ком. Во рту пересохло, как в пустыне. Я одержима безумным желанием напиться. От нестерпимой жажды нежные губы

потрескались, а на языке чувствуется металлический привкус.

Внезапно я ощущаю во рту спасительную влагу и тут же, забыв про дискомфорт, жадно припадаю к источнику воды. Но Дикарь не дает мне выпить все разом и вырывает флягу из моих рук.

Следующим движением он подносит кусок мяса, и я покорно принимаю его, приоткрыв бескровные губы. Пища касается моего языка, и меня накрывает бурной волной пряного вкуса. Боже, я бы сейчас и сырое мясо съела, а это настоящий деликатес.

От желания поскорее заполнить свой пустой желудок, я глотаю почти не жуя, и горло болезненно пропускает ком еды.

– Инахни шни йо [не спеши], – голос Дикаря уже не такой колючий, в нем даже проскальзывают нотки терпкой теплоты. И хотя я не знаю, что это означает, меня все равно согревают его слова.

Я начинаю жевать и смаковать вкус поступающей в организм пищи. Но за два дня голодовки желудок заметно стянуло, и много съесть не получается. Блаженно закрываю глаза и проглатываю последний кусок. Вот только насладиться долгожданным ощущением сытости в полной мере не получается. В груди заскулило неприятное чувство стыда. Мой истощенный спаситель лежит в углу, гордо спрятав голову в

шерсть, а я, как предатель, стою на коленях и принимаю еду с рук варвара.

– Прощу, накорми его, – молю дикаря осипшим от слабости голосом.

Когда я сказала, что лучше сдохну, чем поем из его рук, – он любезно предоставил мне эту возможность. Дикарь определенно понимает смысл моих слов, но почему-то игнорирует этот факт. И, не обращая внимания на мою просьбу, мужчина выходит из клетки – открывая двери настежь.

– Ункупело [идем домой], – сухо приказывает Дикарь.

Демонстративно закатываю глаза, меня раздражает его напыщенность и то, что я ни черта не понимаю. Ощущаю, как чувство сытости пробуждает мой скверный характер из спячки. Но Дикарь не уходит, а смотрит на меня ожидающе – значит, можно выйти из клетки.

Я медленно поднимаюсь на ноги, и от нагрузки мои конечности слегка подрагивают, нарушая и без того шаткое равновесие. Маленькими шагами я кое-как дохожу до двери – все-таки два дня голодовки дают о себе знать.

Бросаю напоследок жалостливый взгляд на волка, ничего не изменилось. Лежит в той же позе.

«Я вытащу тебя, малыш...»

Но внезапно меня обвивают мужские руки, с легкостью подхватывая и прижимая к горячей груди, тем самым окончательно разбивая мысленное общение с животным. Я инстинктивно съеживаюсь, не хочу, чтобы мое обнаженное те-

ло касалось его. На что Дикарь недовольно фыркает и только сильнее прижимает к себе, решительно направляясь в свою хижину.

Глава 3

Верзила заходит в дом, пересекает ступени широкими шагами и в следующее мгновение, он уже небрежно опускает меня на кровать. Я тут же обхватываю колени, подтянув их к груди. С опаской наблюдаю за действиями Дикаря, пока в меня не прилетает белая тряпица и, не теряя времени, я начинаю судорожно разворачивать ее.

Беру свои слова обратно... Если я считала платье, которое мне подарил Говард, старушечьим, то я ошибалась. Старушечье платье сейчас в моих руках, с какого века это барахло?.. Но лучше в нем, чем сверкать своими сосками перед варваром.

Перевожу на него сварливый взгляд и откровенно буравлю им эту громадину. Но, видно, до него не доходит.

– Ты не мог бы отвернуться? – раздраженно выплевываю свою просьбу. Но вместо того, чтобы дать мне возможность комфортно переодеться, он резко подается вперед и, нависая надо мной, начинает сдирать остатки моей одежды.

– Ладно! Хорошо! – кричу я, вцепившись ему в руки. – Я сама! – насупливаю брови и недовольно смотрю на него.

Какой нервный Дикарь. Не терпит возражений, ведет себя

так, будто земля вращается по его правилам. Идиот!

Внезапно улавливаю от себя запах псины и непроизвольно морщусь. Как же хочется домой: надеть мягкую пижамку и забраться в чистую кроватку, а не вот это вот всё! Я и сама с удовольствием избавлюсь от этих вонючих лохмотьев. И, вообще, мне бы не помешал нормальный душ.

Вновь поднимаю на него свой взгляд, но заговорить решаюсь не сразу.

– Мне нужно принять душ, – он стоит в той же позе, даже ни одна мышца не дрогнула на исполинском теле. – Душ. Вода. Помыться. Поплавать, черт тебя подери! – повышаю свой оживший голос, чтобы этот мужлан выдал хоть какую-то реакцию. И я добиваюсь своего: он вновь грубо хватает меня в охапку и устремляется на выход. Как же меня злит его несдержанность... Но, взяв себя в руки, я прикусываю язычок, перенимая своё внимание на то, куда он меня несёт.

Я видела возле хижины подобие летнего душа с деревянным ведром, однако мы двигаемся в противоположном направлении... Но сил сопротивляться больше нет. Пусть несет куда хочет. Напыщенный индюк.

Не отдавая отчёта своим действиям, я начинаю украдкой осматривать его статное лицо, вот только руки вспыхивают зудом от желания подстричь эту корявую бороду. Хотя и сквозь щетину я вижу красивые, мощные скулы и волевой подбородок. Шея Дикаря такая толстая, что я не смогу обхватить ее даже двумя ладонями. Но ещё больше меня заво-

раживает то, как при малейшем движении на ней выступают тугие жилы, воедино переплетенные с венами.

Хочется коснуться их пальцами и зарисовать это произведение искусства на холсте. Неужели моя муза вновь подаёт признаки жизни?

Шум водопада постепенно отрывает меня от моих скрытых наблюдений. А, когда Дикарь опускает меня на землю, я окончательно вырываюсь из гипнотического состояния и перевожу своё внимание на...

Впереди раскинулось изумрудное озеро, с кристально чистой водой, что отражает яркие блики солнечных лучей. И вся эта красота посреди густого мрачного леса, позади которого виднеются туманные горы... Но полюбоваться пейзажем мне не позволяет широченная ладонь мужлана, которая отвешивает жесткий шлепок по моей попке. От неожиданности я взвизгиваю и тут же оборачиваюсь к источнику своих проблем.

Его губы искривляет едкая ухмылка. Вот же сволочь. Этот дикаря явно ожидает от меня эротического представления. И просить его отвернуться – бесполезно.

Угрюмо сдвинув брови, начинаю торопливо избавляться от остатков вещей. И я не могу ничего поделать, он просто не предоставляет мне другого выхода, кроме как раздеться перед ним.

Сняв кроссовки, я ловкими телодвижениями спускаю плотно облегающие лосины. Стараюсь не покачивать бедра-

ми, чтобы не привлечь лишнего внимания этого верзилы. И, наконец, я предстаю перед ним в одних лишь трусиках, отчего его взгляд вспыхивает золотым пламенем.

Я пытаюсь заглушить в себе обжигающее чувство стыда, что вызывает вся эта ситуация. Мне нужно держать марку, ведь отступить больше некуда. Господи! Если б я только могла представить, что меня ждёт такое...

Пристальный контроль Дикаря лишает возможности думать. И я делаю большой глоток спасительного воздуха, пока он жадно держит меня под прицелом своего взгляда, оставляя на коже призрачный след янтарных глаз.

Но всё же я не решаюсь окончательно избавиться от тонкой преграды и остаться перед ним полностью обнажённой. Только вот судя по тому, как он сейчас смотрит на меня – исход очевиден. И лучше я сделаю это сама.

От одной только мысли, что я стою голая перед чужим мужчиной, мне становится не по себе. Но, крепко сжав челюсти, я перебарываю свой стыд и резко срываю последний лоскуток на своем теле.

Гордо задираю подбородок и предстаю перед ним в полной наготе. На секунду задумываюсь о том, что ещё ни разу я не чувствовала на себе такой голодный, полный желания взгляд мужчины. Говард совсем другой... Так! Стоп! Закусываю себе до острой боли губу, чтобы выбить подобные мысли из своей головы.

Дикарь делает шаг вперед, сокращая между нами расто-

ание. Его рука тут же тянется ко мне, но я ударом откидываю ее в сторону. Лучшая защита это нападение... возможно, это правдивое высказывание, но только не в моем случае...

– Не смей меня трогать! Иначе это будет последнее...

Но моя пламенная речь прерывается, когда вокруг горла сжимается его пятерня и рывком он прижимает меня к себе.

Я вбираю воздух со свистом, раздувая крылья носа. Пытаюсь отвернуться, но его стальная хватка причиняет мне боль при любом движении. Жаркое дыхание варвара опалает мои губы, и я инстинктивно сжимаю бедра, между которыми все начинает свербить.

Но, ломая все мои ожидания, Дикарь хватает меня на руки и резко бросает в воду. Нездоровое возбуждение выбивает стальной холод, окутавший мое тело. Кожу пронзает сотнями ледяных игл. Я выныриваю на поверхность и лихорадочно хватаю воздух ртом. Холодная вода сковала мое обесилевшее тело, но в то же время резкая смены температуры придала бодрости.

Ищу глазами своего надзирателя, чтобы показать ему неприличный жест, но Дикаря на берегу уже нет. Я судорожно выдыхаю скопившийся в груди воздух и, окатив лицо водой, нервно прохожусь по нему ладонями. Сердце постепенно успокаивается, и пульс приходит в норму. Вода уже не кажется такой холодной; откинувшись на спину, я погружаюсь в тишину и расслабляюсь. Сейчас мне хорошо, я свободна.

Лежа в объятиях чистого озера, я рассматриваю перистые облака и рисую в своем воображении живописное полотно.

Но внезапное пекло между ног махом вырывает меня из беззаботных мыслей...

Глава 4

Молниеносно я принимаю вертикальное положение, но тут же утыкаюсь в каменную грудь дикаря, отчего воздух застревает в горле острой болью. За секунду я оказываюсь на грани, судорожно хлопая испуганными глазами. Пытаюсь уловить хоть ниточку происходящего, но близость этого мужчины лишает возможности думать. Реальность начинает рассыпаться в золотую пыль и по мизерной песчинке ускользать сквозь пальцы, когда я понимаю, что его ладонь по-хозяйски сжимает мою промежность. Но, вместо должного отращения, по венам разливается неожиданное возбуждение.

Колючее тепло стягивает низ живота, заставляя собственное сердце отбивать рваный ритм. Несмотря на то, что его движения наполнены варварской грубостью, он не причиняет мне боли. Чувствую, как тело звенит от обжигающих прикосновений его пальцев, и я едва сдерживаю стон. Боже! Ада, угомони этот нездоровый всплеск гормонов! Ты же невеста! Черт бы тебя побрал! Говорила же Говарду: воздержание до свадьбы ничем хорошим не кончится... его долбаные прин-

ципы...

Дикарь приникает к моему лицу, но я отворачиваюсь, лоя на коже щеки его жадное рычание, что пронзает меня подобно искрам.

– Прошу, не надо... – неубедительно протестую я. Ощущаю, как шея вспыхивает острым огнём, когда этот варвар прикусывает её и с губ срывается произвольный всхлип, после которого я распадаюсь на мелкую дрожь.

Вторая рука дикаря грубо скользит по груди, и соски болезненно напрягаются, привлекая мужское внимание. Проворные пальцы жадно исследуют упругие округлости, которые сами просятся в плен мощной ладони, и похоть застилает мой разум. Наглое поведение Дикаря пропитано уверенностью и дерзостью – он берет то, что хочет, и отказ явно не рассматривает. Не ищет более мягких подходов, а берет штурмом, отчего все ощущения накаляются до предела. Страх. Испуг. Возбуждение. Все смешалось воедино. И моё самообладание терпит крах. Но я из последних сил пытаюсь взять контроль над своим телом, и впиваюсь ногтями ему в руку. Вот только убрать её не получается, зато наказание не заставляет себя ждать...

– Нанпи йузе шни йо [Руки прочь], – сквозь зубы шипит

Дикарь и заводит мои руки за спину, сжимая их в замок.

Дикарь пристально изучает мой взгляд, а я задираю подбородок и с вызовом смотрю в ответ. Только этот вызов вновь оборачивается против меня. Чувственно карие глаза околдовывают своей золотой россыпью... Сколько тайн в этом мужчине... Как такой монстр может обладать таким притяжением? Абсурд. Но мои мысли разбиваются вдребезги, когда я чувствую его напряженный член между своих ног. Удушающий жар тут же охватывает мое тело, и единственное, что я сейчас вижу, это лицо мужчины, искажённое мрачной ухмылкой. Его глаза сужаются в хищном прищуре, но, не взирая на это, он всё же выпускает мои руки из захвата, давая мне чувство ложной свободы.

Запястья заметно онемели от сильного сжатия, и я начинаю растирать их. Но в этот момент он входит в меня одним рывком, сжигая все мои сомнения своим пламенем страсти.

От шока я даже забываю, как дышать и замираю в его власти, вонзая ногти в варварские руки до собственной боли. Начинаю бесконтрольно царапать их, но на нем даже ни один мускул не дёргается. Мужчина напряжен. В его взгляде пляшут черти, и карие глаза поглощает тьма похоти. Дикарь прижимается ко мне лбом и издает хриплое рычание, одновременно проталкивая в меня свой крепкий орган, и я

понимаю, что он вошел еще не на всю длину.

Внутри вспыхивает порочный огонь, а следующим движением он пронзает меня до упора, вырывая из груди глубокий стон. Тело в момент покрывается мурашками, когда он начинает вколачиваться в меня. Я закусываю губу до крови, сдерживаю свои внутренние стоны. Противно от самой себя, что я получаю удовольствие от секса с чужим мужчиной. Но эту злость я переношу на него.

– Животное! Ненавижу тебя! – я впечатываю ладонь в его суровое лицо, и моя кожа тут же вспыхивает от удара. А его натиск становится неконтролируемым. Сильные руки до боли сжимают мои ягодицы, вынуждая подчиниться ему.

Я вновь и вновь проглатываю срывающиеся с губ стоны и прожигаю его, как я надеюсь, высокомерным взглядом. А когда его грубые пальцы хватают за сосок и сильно сжимают его, оттягивая на себя, я выгибаю спину от пронзившего меня желания, извиваясь в его руках как змея. Больше не могу сдерживаться, и очередной стон срывается с моих распухших губ, а его внушительный орган ритмично входит в меня. Сердце бешено стучит, выбивая мне ребра, и я чувствую приближение фееричного взрыва. Дикарь не сбавляет напора, а я продолжаю беспорядочно царапать его ногтями.

– Митава сэгвон [моя весна], – хрипит он, вновь прижимая мое лицо к себе, но я дерзко выворачиваю голову и не даю напасть на свои губы. Тем самым распаяя его взрывной характер.

Широкая мужская ладонь звонко обрушается на мою ягодицу, в очередной раз пуская по телу мелкую дрожь – и я тут же сжимаюсь вокруг его члена. Моё тело сокращается в конвульсиях яркого оргазма, ввергая меня в порочную темноту, и единственное, что я вижу, это вспыхивающие перед глазами снопы искр...

Еще пара мощных толчков, и он резко снимает меня с себя и впивается в мои губы жадным поцелуем, издавая сиплый стон... который я поглощаю. Его жёсткие губы пропитаны терпким табаком и пряной хвоей, и этот дикий вкус окончательно погружает меня в безумство янтарных омутов варвара...

Я устала бороться. Мое сопротивление угасает, и в какой-то момент я поддаюсь его напору. Не упустив такой возможности, он проникает в мой рот горячим языком, будто пропуская по телу электрические разряды. Но, когда я вновь чувствую его внушительный орган, который готов к новому бою, – мгновенно прихожу в шаткое сознание, и рывком отстраняюсь от Дикаря.

Судорожно выдыхаю, с трудом вплетая дрожащие пальцы в мокрые волосы... Какого чёрта только что произошло...

Глава 5

Почувствовав настоящую свободу, я стремительно отплываю на безопасное расстояние, чтобы восстановить дыхание, но Дикарь не принимает попыток нагнать меня. Только вот облегчение от этого я не испытываю. Мне хватает тошного осознания того, что произошло.

Не знаю, на кого сейчас я злюсь больше: на этого бездушного подонка или на собственную слабость... От пылающей во мне ярости ощущение угасающего оргазма превращается в ледяной пепел ненависти.

Надменно сужаю глаза и гордо задираю голову, получая единственное наслаждение на данный момент оттого, что очередная попытка вырваться из его цепких рук всё же дала желанный результат.

Но Дикарь лишь небрежно проходит по косматым волосам ладонью и уходит под воду. Оставляя меня наедине с раздирающим чувством стыда...

Господи, да, мне стыдно признаться себе, но такого качественного траха у меня еще никогда не было. Это самый безудержный секс в моей жизни. Конечно, осознавая тот факт, что я уже невеста, а он абсолютно чужой, незнакомый мне

мужчина, я тут же прогоняю эти позорные мысли из своей глупой головы. Чувствую себя шлюхой. Мне не может нравиться столь животное обращение. Или может?..

В конечном итоге я позволила ему сделать с собой всё, что ему хотелось, ведь мое сопротивление ничего не изменило бы – наоборот, только распалило бы этого зверя ещё хлеще. И, поддавшись ложной надежде на то, что моё хладнокровие могло сыграть мне на руку, я проиграла.

Я не сумела сохранить равнодушие, потому что любое его прикосновение прожигало меня до костей. Ничего подобного раньше я не чувствовала. В нем есть какая-то сильная мужская энергетика, которая подчиняет тебя себе, а в порыве гнева вообще может спалить дотла. И почему-то именно это и притягивает меня... Но не стоит расценивать животный магнетизм как нечто большее...

Лет в восемнадцать я мечтала о таком горячем мужчине, но жизнь показала, что с ними лучше не связываться. Да мне такой дикий и не попадался.

«Бойтесь своих желаний, девочки, они могут стать для вас явью... Или превратиться в кошмар...»

Конечно, если убрать все варварские замашки, держу пари, он окажется еще тем сердцеедом. Ведь внешне он достаточно привлекательный мужчина, но поход к барберу ему, разумеется, не помешает.

И всё же мое сердце принадлежит другому. Но что-то мне подсказывает: если потребуется, Дикарь вырвет его вместе с

Говардом.

Всё, хватит! Я не хочу больше думать об этом. Дело сделано. Жалеть и корить себя нет смысла. Отбросив гнетущие сомнения в сторону, я направляюсь прямо к водопаду, чтобы очиститься от произошедшего.

Подплыв достаточно близко, я оглядываюсь назад и, не обнаружив Дикаря рядом, спокойно встаю под чистые струи прохладной воды. Облегчение накрывает меня с головой, и я начинаю тереть свою кожу ногтями, болезненно соскребая следы грязного секса. Хочу смыть с кожи наглые прикосновения этого варвара и его терпкий запах.

Изменить своему будущему мужу перед самой свадьбой не входило в мои планы. И теперь я чувствую, что эта гнусная мысль будет пожирать меня изнутри, как червь. Как бы я ни старалась не думать об этом. Как бы ни оправдывала себя. Я допустила это, и Говард явно не заслуживает такого отношения.

Свыкнувшись с тягостными последствиями содеянного, я неспешно выхожу из воды и обхватываю влажное тело руками. Уже вечереет, солнце скрылось за скалами, и меня за одно мгновение охватывает лесная прохлада, рассыпая по телу неприятный озноб. Я не могу понять, от чего меня так трясет: то ли от холода, то ли до сих пор от прикосновений Дикаря.

Но в любом случае одежды мне сейчас точно не хватает.

Платье, что дал мне Дикарь, осталось на кровати. И, конечно, путь от хижины я не запомнила, ведь всю дорогу пялилась на него, как идиотка. «Ты обязана нарисовать его», – с придыханием нашептывала мне моя сумасшедшая муза. Нет, конечно, я всегда прислушиваюсь к ней. Ведь она каждый раз дает мне новый виток вдохновения. А иногда и пинок под зад. Но в данном случае ей придется хорошенько меня отпинать, чтобы я зарисовала этого варвара, несмотря на его впечатляющую внешность.

Все творческие люди с «изюминкой», а я вот со жгучей перчинкой. И муза моя такая же – нетерпеливая и взбалмошная. А бонусом мне достались приключения на жопу. Для таких отмороженных, как я, это лишь новый источник вдохновения. Живем один раз, и на страхи нет времени – таков мой принцип. Хотя, что говорить, за эти два дня я получила убойную дозу адреналина.

Но после заточения в клетке во мне что-то щелкнуло... что-то изменилось... С ситуацией на грани жизни и смерти я еще не сталкивалась, и меня это подломило. Возможно, таков и был замысел Дикаря. Он слишком умен для асоциального человека. И, вопреки логике, теперь я не боюсь его. Напротив. Хочу узнать, что превратило человека в такое животное.

Мысленно усмехаюсь. Другая на моем месте волосы бы рвала на себе и рыдала в углу. Я же позволяю себе огрызаться в ответ, не боясь последствий, или просто не успеваю поду-

мать о них. Мой язык летит впереди мозга. Воистину, выражение «Язык мой – враг мой» – спонсор моих приключений на пятую точку. Еще и муза подталкивает меня зарисовать его суровый образ. И чем не идиотка?

Нет, желание вспороть ему горло, конечно, на первом месте. И, если он еще раз прикоснется ко мне, я так и сделаю! На роль сексуальной игрушки я заявки не подавала. А в диких условиях крышу срывает по полной, и, чувствую, пойти на такой отчаянный шаг мне не составит труда.

То, что произошло сегодня, лишь акт насилия за счет перевеса силы на стороне дикаря, а моя бурная реакция – это длительное отсутствие секса.

Да, жениха я себе тоже нашла с закидонами. Говард поставил условие: до свадьбы ни-ни. Не верится, правда? Мужчины двадцать первого века – и отказывается от секса. Просто вымирающий и, я уверена, единственный экземпляр. Нет, конечно, оральные ласки и петтинг спасали, но... Это как пить молоко без лактозы. Пить коктейль без алкоголя. Есть лимон без кислинки.

Воспоминания о женихе еще больше омрачили мое настроение. И я обречённо присаживаюсь на корточки, утыкаясь лбом в колени и накрывая голову руками.

– Онэвэ. Лила осни [Вставай. Очень холодно], – низкий, суровый бас мгновенно вырывает меня из размышлений и я резко поднимаюсь на ноги.

Варвар, видно, прочитал мои мысли: вальяжной походкой он сокращает расстояние между нами и на вытянутой руке протягивает мне платье. Я тут же хватаю вещицу и прикрываюсь ей, бросая на Дикаря озлобленный взгляд. Но на его лице нет и намек на агрессию. Карие глаза, насыщенные золотом, светятся, как солнечный янтарь. Конечно, удовлетворенный самец не может быть злым, этот факт еще больше раздражает меня и напоминает о содеянном.

Он ловко цепляет мой подбородок длинными пальцами, но я тут же выдергиваю его и, отпрянув назад, наступаю босой ногой на камень. От неожиданной режущей боли жалобный стон слетает с моих губ. Если бы не молниеносная реакция Дикаря, я бы еще и шмякнулась пластом на скалистую поверхность берега, и было бы мне «счастье». Но его руки обвили мою талию в стальные путы и предотвратили падение.

От острой боли я закусываю губу. Раздражение нарастает с пульсирующей силой, и я начинаю бить по его рукам со всей злостью, но он не выпускает меня...

Глава 6

– Отпусти! Мне больно! – цежу я сквозь стиснутые зубы, уперевшись ему руками в плечи. Только вот больно в этот раз не от его грубости, а от острой пульсации в стопе.

Но на этот раз Дикарь отступает: его напряженные руки

становятся мягче и выпускают из цепких объятий. Я второпях натягиваю платье на замерзшее тело и присаживаюсь на землю, чтобы осмотреть стопу.

– Ай, – вскрикиваю, дотронувшись до ранки, из которой сочится кровь. От жгучей боли морщусь и сжимаю губы, чувствуя как горячая капелька стекает по замёрзшей коже.

Дикарь тут же опускается на колени и обхватывает мою лодыжку, но я отдергиваю ногу и огрызаюсь: «Оставь меня в покое!» Злость вкупе с ненавистью к нему накаляет мои эмоции до предела.

Он вновь делает выпад ко мне, чтобы осмотреть мое ранение, но я отползаю назад. Мужчина раздраженно рычит и в следующее мгновение нависает надо мной. Я начинаю отбиваться ногами, но он ловко перехватывает их и рывком подтаскивает меня к себе – я болезненно проезжаю по каменной поверхности.

– С-с-с-с, – мое лицо страдальчески искажается. На этот раз Дикарь держит крепче, и вырваться у меня не получается.

Он пригвождает меня своим убийственным взглядом. От безысходности я прекращаю брыкаться и позволяю ему спокойно осмотреть ногу. Несмотря на грубость дикаря, сейчас его прикосновения аккуратны, и это приводит меня в замешательство. Я внимательно наблюдаю за его суровой мимикой: брови грозно сведены к переносице, а взгляд изучает рану. Он касается болезненного участка, и я всхлипываю, ка-

призна морща нос.

– Витко, [глупая] – снова повторяет уже знакомое мне слово Дикарь, и, отрицательно покачав головой, выпускает протяженный вздох. Мгновенно поднимается на ноги и вновь склоняется надо мной, я интуитивно вжимаюсь в скалу. Но он с легкостью отрывает меня от земли и прижимает к себе, словно я пушинка для него.

Я упираюсь ладонями ему в крепкую грудь, пытаюсь отстоять своё личное пространство. Но мое сопротивление раздражает его, и, сдавливая меня в своих железных руках, он ломает мою попытку продемонстрировать гордыню. Отчего я утыкаюсь лицом в его широченную шею – в нос ударяет аромат хвои и естественный запах кожи с тяжелыми нотами мускуса. Шальные гормоны затуманивают мой разум. Мне хочется провести носом по его коже... И это желание неосознанное и неподвластное мне. Я отдергиваю от него голову и глубоко вбираю в себя лесной запах – чтобы выбить одурманивающее действие гормонов и переключить свое внимание с объекта нездорового притяжения. Это какой-то природный афродизиак...

Моя надежда сбежать от Дикаря потихоньку трещит по швам. С открытой раной это теперь опасно для здоровья. Плутать по неизвестной местности с ранением – самоубийство. Такое ощущение, что я попала на съемочную площадку нового телешоу. Я бы очень хотела сейчас услышать: «Улыбнитесь, вас снимает скрытая камера». Прокручиваю в своей

голове последние два дня и мысленно усмехаюсь: в какую жопу я попала... Нарисовала, бл*дь, горы...

Мой взгляд снова скользит по крепкому телу Дикаря. Разношенная рубашка соприкасается с рельефными мышцами, а при порывах ветра ткань ещё больше облипает его. Мои глаза нагло впиваются в V-образный вырез на груди, через который видно, как литые мышцы перекачиваются под кожей. Дикарь замечает это и ехидно ухмыляется – мои щеки тут же вспыхивают от смущения, и я отвожу взгляд в сторону.

Я обращаю своё внимания на то, что мы идем слишком долго. И волнение опять начинает покалывать меня изнутри.

Мое любопытство не дает мне расслабиться, и я выглядываю вперед. Сквозь просветы между деревьями начинают виднеться дома. Много домов. В душе затрепетала надежда на спасение. Но хриплое дыхание Дикаря касается моей кожи и напоминает об опасности... мне становится не по себе. А, когда боковым зрением я замечаю несколько бегущих волков напряжение тут же усиливается и сжимает мою грудную клетку.

Мне становится сложнее скрывать своё волнение. Их трое, может и больше, а вот Дикарь один. Что если они нападут? От таких мыслей я сильнее прижимаюсь к варвару, сама того не осознавая. Меня словно бросает из крайности в крайность, но в данный момент, если выбирать между волками и Дикарем, я займу сторону мужчины. Несмотря на происходящее, в лесу я чувствую себя спокойнее под его защитой.

Не замечая того, я нервозно стискиваю край его рубашки. И, уловив мою реакцию, Дикарь усмехается. А затем он издает визг вперемишку с лаем – я содрогаюсь от этого резкого звука.

Спустя пару секунд волки отвечают ему тем же. Мои глаза, наверное, стали как блюдца: я думала, такое бывает только в сказках...

Не спеша мы приближаемся к поселению – тут по меньшей мере десять домиков. Жилища собраны из крупных бревен, их покрывают деревянные крыши со свисающими краями. Фасады украшены резными изображениями тотемных животных. И в голове сразу всплывает мастерская Дикаря... вот откуда в облике его дома проскальзывает этно-стиль.

На веранде одного из домов я замечаю оружие и шкуры животных. Затем из соседней приземистой хижины выбегают три пацаненка и, звонко крича на своем языке, устремляются в нашу сторону. Из их криков я смогла вычленить имя... Конор.

Значит, у моего дикаря есть имя. Я поднимаю взгляд на его лицо и не узнаю сурового варвара, которым он мне предстал в день нашего знакомства. Его глаза сузились, и лицо расплылось в широченной улыбке.

Я в ступоре.

У меня и в мыслях не было, что у такого грубияна есть душа... Иногда мы скрываем наши достоинства под маской,

но я думала, что его истинная суть в грубости и насилии. А сейчас я будто впервые его вижу. Бесчувственность дикаря сменяется человеческими эмоциями. Я с нескрываемым интересом наблюдаю за его реакцией на мальчишек, которые облепили нас.

– «Хау, кола» [Здравствуй, друг мой], – я вздрагиваю от неожиданности и резко оборачиваюсь на хриплый голос.

Глава 7

На крыльце дома стоит пожилой мужчина, но больше всего моё внимание притягивает его одежда; она не такая, как у остальных. Дети бегают в джинсах и майках; несколько взрослых индейцев, что попались мне на глаза, тоже одеты на современный лад. Старик же облачен в штаны из кожи, а сверху на голое тело накинута плащ, украшенный шерстью и перьями животных. Я с интересом изучаю его внешний вид и длинные седые волосы, заплетенные в тугие косы.

Очень колоритно.

Ощущаю, как во мне вспыхивает желание зарисовать эту картину, и я так и сделаю, когда наконец возьму в руки свою кисть...

Я никогда не видела индейцев вживую и сейчас с неподдельным восторгом осматриваюсь вокруг, забыв о страхе и о боли в ноге. Творческое эго вновь заполнило весь мой разум.

– Сабж [Здравствуй, вождь], – глубоким, низким голосом

произносит Дикарь и отвешивает поклон. Мне приходится вцепиться в него, чтобы не выпасть из рук.

– Тониктука уо? [Как дела?] – старец медленно спускается со ступеней и, приблизившись к нам, хлопает Дикаря по плечу.

– Матанйан, на ниш? [Прекрасно, а твои?] – с улыбкой отвечает ему Дикарь.

Вождь тихо рассмеялся и, покачав головой, переводит взгляд на меня. Он пристально и цепко смотрит мне прямо в глаза – будто испытывает меня. Глядит прямо в душу. Но я выдерживаю взгляд вождя, уставившись на него исподлобья, с затаённой опаской.

Их разговор, которого я не понимаю, накаляет мое беспокойство до предела. А, когда старец подаётся вперед, я инстинктивно прижимаюсь к Дикарю. На что вождь лишь усмехается и, подцепив меня за подбородок, неожиданно заглядывает в мои глаза.

– «Уохитика винчинчала» [Храбрая девочка], – прохрипел на незнакомом мне языке, он выпрямляется и жестом показывает на дом: – Йакупело [Идем в дом].

Дикарь тут же следует за ним и, преодолев лестницу широкими шагами, он заносит меня в просторное помещение. И я с большим любопытством начинаю осматривать всё вокруг.

Изнутри дом просто загляденье, отрада для моих глаз – светлый, уютный и чистый. Стены декорированы мозаикой

из раковин и камня. Очень необычно – все материалы из дикой природы и создают особенную атмосферу. Хозяева этого дома однозначно не лишены вкуса.

Мое былое впечатление об индейцах – голопопых дикарях с копьями развеялось в прах. Это маленькое, но вполне цивилизованное поселение. У них свой мир. И мне выпал шанс познакомиться с неизвестным для меня народом и их культурой.

Дикарь пронесит меня дальше – в небольшую комнату – и опускает на кровать. Лишившись теплых объятий, я даже слегка озябла, отчего я тут же обхватываю себя руками. Но, когда варвар касается моих еще влажных волос, я тут же отползаю к стенке и перекидываю спутанную копну на другой бок. Его порыв заботы абсолютно ни к чему. Особенно если учесть то, как он морил меня голодом.

Дикарю не нравится мое поведение, так пусть знает, что его гитлеровские замашки не изменят моего отношения к нему. Ни под каким гнетом я не изменю своего мнения и не оставлю попыток сбежать от него.

Но мои мысли обрывает его неподвижный, пристальный взгляд, которым он словно прибавляет меня к кровати. Злится. Вижу это по тому, как массивные челюсти сжимаются до скрипа, демонстрируя на мужском лице напряженные желваки.

И, не проронив ни слова, он вылетает из комнаты и чуть не сносит старушку, показавшуюся в двери. Дикарь успевает

удержать ее за плечи и, поцеловав в лоб, исчезает из поля зрения.

Старенькая женщина неспешна входит в комнату. Ее лицо покрыто сетью морщинок, но волосы темные, как горький шоколад. Пара седых прядей добавляет ей своеобразного шарма, в сочетании с причудливым головным убором из разноцветных перьев. Она присаживается на край кровати, подтянув подол длинного платья из плотной кожи.

– Хокшила лила уаса-ка кин хеча [Он очень сильный парень], – смеется старушка с теплой хрипотцой.

– Если бы вы знали, как мне ваши хокоши, усаки и прочая ересь вот здесь сидит, – я стучу ребром ладони по горлу.

Старушка тихо хохочет, нежно хлопая меня по ноге.

– Теперь я понимаю, за что он выбрал тебя, чикала акичита [маленький воин], – комнату заполняет мягкий голос старушки. А в груди все сжимается от знакомого мне языка.

– Вы говорите по-английски! – восклицаю я, вцепившись ей в руку.

Пожилая женщина снова посмеивается, сузив свои добрые глаза.

– Да, маленькая. Я понимаю твой язык. Его понимают все в нашем племени, но говорить на нем никто не хочет, – она приступает к осмотру моей ноги. – Так, давай посмотрим, что тут у нас, – вглядывается в стопу, а у меня сердце выбивает ребра, словно молот Тора. Эта старушка – мое спасение.

– Прошу вас, помогите мне, – вновь цепляю ее за руку,

отрывая от осмотра.

– Успокойся, маленькая, я должна обработать твою ногу, рана глубокая.

– Вы не понимаете! Этот дикарь удерживает меня! Помогите мне! – в моем голосе прорезывается сталь.

– Этого дикаря зовут Конор. И, моя дорогая, этот дикарь спас тебе жизнь. С такой раной в диких условиях шансы на спасение твоей ноги уменьшались с каждым часом.

Я гневно стискиваю зубы и откидываюсь на кровать. Меня только что отчитала старушка и попыталась внушить чувство благодарности к дикарю! Как бы то ни было, ее слова заставили меня замолчать – я решила дать ей спокойно обработать мою рану. Периодически я постанывала от жгучей боли. Но примерно через двадцать минут моя стопа была обработана и перебинтована.

– А теперь я дам тебе выпить одно средство, наутро ты и не вспомнишь про боль.

– Подождите! Поговорите со мной... пожалуйста, – молю я, стиснув подол платья до скрипа в руках.

Я не могу упустить этот шанс...

Глава 8

– Бабушка Тиса.

Я застываю в некоем недоумении.

– Зови меня бабушкой Тисой.

Немного помявшись, я всё же решаюсь обратиться к ней так, как она попросила.

– Бабушка Тиса... вы сказали, что племя не говорит на нашем языке, но почему?

– Мы коренные жители этой страны. Наши предки обосновались в Америке задолго до появления белого человека. Сильно вдаваться в подробности не буду, маленькая. Наше племя Кволли, как и другие индейские племена, согнали с родных земель и вынудили отправиться к побережью Тихого океана. Многие погибли в пути, и потребовалось немало времени, чтобы приспособиться к новому климату. Мы начали строить лодки и выходить в открытое море для рыбалки или охоты на моржей. Постепенно мы наладили торговлю с соседними поселениями, развили животноводство и со временем основали свою резервацию. А в знак протеста наше племя отказалось от языка белых людей, и теперь мы пропагандируем мертвый язык.

– Но вы же говорите на моем языке?

– Да, маленькая. Как бы сказал мой ушедший муж: «Тиса, ты недоразумение среди скво», —хочет старушка. – Я всегда помогала белым людям. Ибо никогда не поддерживала войны. Можно сказать, именно я привила новому поколению понимание того, что вы для нас не враги. Все мы одной крови, вне зависимости от цвета кожи. Главное, что у человека вот здесь, – она дотрагивается до моей груди теплой ладонью. – А мои шаманские способности до сих пор помога-

ют людям. Кто-то считает меня колдуньей, – смеется. – Да какая мне разница, что обо мне говорят, лишь бы имя правильно называли, – подмигивает мне Тиса.

– Бабушка Тиса, расскажите мне о... Коноре, – неуверенно произношу его имя. «Дикарь» ему как-то больше подходит.

– Конор наш большой друг и защитник.

– Но он же не индеец?

– Нет. Он не из нашего племени. Но я считаю его своим сыном. Все они мои дети, – старушка меняется в лице. – Это было пять лет назад. Наши мужчины отправились на охоту. Стая волков, собравшаяся в кучу, привлекла внимание моего мужа. Он подошел ближе, и волки расступились перед ним... а в снегу лежало безжизненное тело. – Она тяжело вздыхает, отрицательно качая головой. – Парень был в плачевном состоянии... Он не замерз благодаря теплой шкуре животных. И если бы не стая... он бы не выжил. Волки выбрали его. Теперь

он их вожак. Именно поэтому мой муж принес его в наше племя. Если бы не волчья метка – он бы не спас Конору жизнь, – Тиса вновь тяжело вздыхает. – Когда я увидела молодого мужчину с окровавленной головой, я испугалась, что уже слишком поздно. Но сила, которой я обладаю, помогла вернуть его к жизни. И все же память покинула его. Он был очень слаб телом, но душой силен – это и помогло ему побороть свой недуг и встать на ноги.

Всё это время я не перебивала старушку. Внимательно слушала каждое её слово. Но история Тисы так зацепила меня, что теперь мне ещё больше хочется узнать обо всём.

– Волки для вас не опасны? – усаживаюсь поудобнее, заправляя выбившиеся пряди за уши.

За эти дни я так соскучилась по нормальному человеческому общению, что сейчас с превеликим удовольствием готова слушать рассказы этой чудной старушки.

– Деточка, мы племя волков. А белая волчица даже помогала мне его выхаживать... Но об этом в следующий раз...

– Почему он не говорит со мной на моем языке?

– От сильного удара Конор потерял память. На современный лад этот диагноз звучит как травматическая амнезия. В дальнейшем эта проблема приобрела психологический характер. Он перенес сильный стресс... даже не помнит собственного имени. Мы назвали его Конор, что в переводе означает «любящий волков».

– Но он понимает меня...

– Понимает. Что дает надежду на восстановление его памяти, но вряд ли я помогу ему в этом... Здесь нужно комплексное лечение и современные медицинские препараты. Я пыталась его уговорить вернуться в цивилизацию, но он категорически против. Он не помнит ничего, и самое страшное, что он не хочет ничего знать. Будто у него не было смысла в прошлой жизни... Даже при глубокой амнезии люди пытаются вспомнить, но не Конор. Он закрылся в себе... Муж

запретил мне говорить с ним на вашем языке, дабы не травмировать его душу. Возможно, за ненадобностью он позабыл родной язык окончательно. Моя надежда на то, что Конор переосмыслит свою природу и захочет вспомнить, кто он, с твоим появлением снова разгорелась. Конор не должен жить в лесу... он одинок, и постепенно это его убьет. Ведь этот мужчина никого к себе не подпускает...

Я нервно перебираю в руках подол платья и перевариваю полученную информацию.

– Но с тобой все иначе. Он выбрал тебя.

– В смысле?

– Волки необыкновенные звери, маленькая. Волк влюбляется лишь раз и всю жизнь предан своей половине. А если ему откажет волчица, он будет скитаться в одиночестве. Второй раз полюбить – не сможет.

– Вы говорите о них, как о людях. И вообще, какое отношение эта информация имеет к Дикарю?

– Самое прямое. Ты его волчица.

– Бабушка Тиса! Во-первых, я человек, и не нужно меня сравнивать с животными! А во-вторых, жить с этим варваром я не собираюсь! Я обручена с другим мужчиной, – демонстративно показываю ей кольцо на безымянном пальце, – и намерена вернуться домой!

– Глупенькая, – смеется старушка; похоже, у нее точно не все дома.

– Вы, наверное, не знаете, как произошло наше знаком-

ство?! Хотя, поверьте, если я расскажу вам подробности, легче никому из нас не станет.

– Когда самка бросает вызов самцу, последствия могут быть печальными. А ты из тех женщин, кто готов дать отпор. Будь мудрее, и увидишь его с другой стороны. Но поверь мне, маленькая, Конор сожалеет о том, что совершил!

Мои глаза от шока чуть ли не вылезают из орбит. Неужели он рассказал...

– Что вы имеете в виду под фразой «о том, что совершил»? – нервно сглотнув, я сжимаю от неконтролируемой злости руки в кулаки.

– Маленькая. Я знаю все. Мне достаточно видеть, как он смотрит на тебя. В его взгляде боль и сожаление.

Не знаю, где она там увидела сожаление... а тем более боль...

– Но не переживай, он мне ничего не говорил. Этот мужчина не из тех, кто много болтает. Он часто уходит в свои мысли. В такие моменты я надеюсь, что он ищет настоящего себя, – но свои переживания он никому не покажет. А бабушка Тиса и так все видит. Иногда я говорю с ним, пытаюсь достучаться до его разума, но безрезультатно...

В этот момент заходит Конор, обрывая своим внезапным присутствием наш диалог с Тисой. Они перебрасываются парой фраз, и он уходит, демонстративно игнорируя мое присутствие.

– Выпей и отдохни. Продолжим разговор потом.

Она протягивает мне мутный пузырек. Я с сомнением кошусь на него пару секунд, но под пристальным взглядом старушки все же беру и выпиваю содержимое. Пойло настолько горькое на вкус, что мой рот связывает резкой терпкостью, отчего я брезгливо морщусь.

– Умница, а теперь отдохни, – старушка медленно поднимается и направляется на выход, оставляя меня одну с сотней кружащих вопросов в голове.

В отчаянии я откидываюсь на спину и через какое-то время ощущаю, как меня начинает ломать изнутри. Я словно погружаюсь в мучительный транс. Меня бросает из жара в холод. А затем я вижу образ Говарда, но он тут же исчезает, и передо мной появляется суровое лицо Дикаря. От его взгляда даже в бреду становится жарко...

Не знаю, сколько я пробыла в плену галлюцинаций, но со временем жар спал и дрожь в теле ушла, позволив мне спокойно заснуть.

В какой-то момент из сна меня вырывает жуткое ощущение постороннего присутствия. Я резко принимаю сидячее положение и тут же жалею об этом: голова едет в сторону и я едва не падаю с кровати. Но крепкие руки возвращают меня на место.

Я восстанавливаю помутневшее зрение и замечаю, что на мне нет платья. Обнаженное тело прикрыто лишь покрывалом. А на краю кровати в напряженной позе сидит Дикарь...

Глава 9

Дыхание Дикаря – учащенное. Брови слегка опущены, а глаза сужены и недовольно осматривают мое частично обнаженное тело. Он касается шершавыми пальцами моего бедра и проходится по нему, распаяя чувствительную кожу до предела. А во взгляде зверя читается сокрушение.

Дикарь шумно втягивает воздух через ноздри, а его опасные глаза загораются, как два факела. Мужчина словно пытается себя сдерживать, но, несмотря на это, не останавливается. В нём будто борются два противоречия, только вот он по-прежнему продолжает оставлять на мне порочные ожоги. Его сильная рука скользит вверх, задевая мой живот, отчего я делаю судорожный глубокий вдох. Безумная энергетика этого мужчины держит меня под полным контролем. Он как змей Каа из «Книги джунглей» с гипнотическим взглядом. Медленно обвивает немощную жертву своими путами и ждет, когда она потеряет сознание от недостатка кислорода.

Мои движения заторможены после того пошла, что дала мне бабушка Тиса, и я не сразу даю ему отпор.

– Убери руки, – сильный окрик срывается с моих пересохших губ, и он останавливается.

Удушье от его прикосновений постепенно отпускает, и, приподнявшись на локтях, я шумно втягиваю в себя воздух, пытаясь отползти от него подальше. Но Дикарь подается впе-

ред и аккуратно хватает меня крепкой рукой за затылок, притягивая к себе. Я очень слаба. Нет сил оттолкнуть его. Ощущение, что я еще в бреду, не покидает меня...

Конор утыкается носом в мою шею – я тут же покрываюсь болезненными мурашками, задыхаясь его диким запахом ели и крепких сигарет. Ощущаю кожей его гортанное рычание, пока Дикарь скользит жесткой щетиной вниз до ключицы, и я плавлюсь в руках зверя, как горящая свеча. Его грубой ласки достаточно, чтобы довести меня до пика наслаждения...

– Конор... – неосознанно срывается с моих губ его имя...

Дикарь замирает, опалает своим жаром, а после резко отстраняется от меня и уходит. Оставляя на моей коже лишь фантомный след своих прикосновений, а в голове – рой мучительных мыслей. Я не могу понять этого мужчину... и не знаю, стоит ли вообще о нем думать...

Я откидываюсь на спину, обхватывая лицо дрожащими ладонями, пытаюсь унять свои пульсирующие мысли: это всё нереально... И этого всего не должно было случиться...

От внезапно охватившей слабости, веки начинают тяжелеть, и, глубоко вздохнув, я снова погружаюсь в сон...

Меня будят крики на неизвестном мне языке. Я медленно присаживаюсь на краю кровати и аккуратно спускаю ноги на пол, неуверенно касаясь раненой стопой твердой поверхности... Но ожидаемой боли не последовало. Будто и не было

ранения. А в следующий момент я напрягаюсь, осознав, что полностью обнажена.

Мой разум заторможен, словно после наркоза, и я не могу выстроить в своей голове логическую цепочку происходящего...

Осмотревшись вокруг и не найдя своей одежды, я беру первое, что мне попадает на глаза, – простынь. И, укутавшись в нее, с опаской выхожу из комнаты.

В холле я застаю вождя. Рядом с ним стоят несколько молодых индейцев, которые тут же устремляют взгляды своих раскосых глаз прямо на меня, пока бабушка Тиса не фыркает на молодняк, и те опускают глаза.

Своего Дикаря я замечаю не сразу. Но лучше бы и вовсе не замечала: он в ту же секунду бросается в мою сторону.

– Конор! – пытается остановить его Тиса, но он будто ничего не слышит. И, грубо подхватив меня под руку, заволакивает обратно в комнату.

– Мне больно! – рывкаю я и, вырвав свою руку из стальной хватки, тут же делаю шаг назад.

Дикарь шагом преодолевает мизерное расстояние и одним движением срывает с меня простыню.

Его глаза осуждающе впиваются в мое тело. И, проследив за его взглядом, я тут же замираю...

Моё тело покрыто множественными гематомами, которые светятся на бледной коже, словно фонари. Поворачиваю голову и заглядываю за спину... Кошмар. Меня будто прота-

щили по асфальту... Спина и ягодицы все в ссадинах. Но почему-то должной боли я не ощущаю... Наверняка это всё проделки того странного зелья от старушки.

Я спускаюсь взглядом по своей руке и замечаю на запястье чернеющие отметины от его пальцев... Такие же следы на ногах и животе – то ли от его грубых рук, то ли от падений... В любом случае причина всех моих травм стоит передо мной.

Дикарь тягостно вздыхает и вновь приближается ко мне, оттесняя к стене.

– Не подходи! – едва не рычу я, отступая назад. – Тебе мало того, что ты со мной сделал? – от его разъедающего взгляда мне становится совсем неуютно, и я скрещиваю на груди руки, чтобы защититься от него.

Но он не обращает внимания на мои слова и продолжает надвигаться, а я – отступать. И Дикарь всем видом показывает, что это его раздражает.

Он рывком сокращает последнее расстояние и прижимает меня к стене, уперев руки по обе стороны от моей головы. Дыхание спирает в груди, но я насупливаю брови и гневно смотрю на него исподлобья.

– Уходи! Я не хочу тебя видеть!

Мои слова действуют, и Дикарь слегка отстраняется, испуская продолжительный вздох, будто он зашел в тупик. Лицо мужчины меняется и становится каким-то блеклым... А в глазах... сожаление?! Нет. Чувствую. В его крови течет жесто-

кость, и чувство раскаяния ему вряд ли знакомо. Мои размышления прерываются, когда Конор снова прислоняется к моему виску и что-то хрипло, неразборчиво шепчет мне на ухо, обдавая кожу жарким дыханием.

От такой близости я вжимаюсь в стену еще сильнее. Он требовательно касается моего тела, очерчивая синяки шероховатыми пальцами, но я тут же отбрасываю его руку от себя.

Тусклый взгляд варвара мгновенно меняется – вспыхивая черным золотом, а челюсти сжимаются до противного скрипа.

Дикарь резко отстраняется и молнией вылетает из комнаты. Испепеляющий жар сменяется холодом. Слишком вспыльчивый... у него разгон до бешеной зверюги происходит за мизерную секунду.

Я неуверенно поднимаю простыню с пола и оборачиваю её вокруг себя. Выходить из комнаты сейчас не лучшая идея...

В моей голове пульсирует множество вопросов, но я не решаюсь их озвучить и присаживаюсь на кровать, погружаясь в собственные мысли...

Неужели он думает, что после всего, что он сделал, я буду спокойно его подпускать к себе?.. Позволять дотрагиваться до себя?.. Нет. Если он и раскаивается в своих деяниях, пусть оставит это при себе. Мне плевать. Со мной еще никто не позволял себе подобного обращения. Меня, конечно, радует,

что он стал более сдержанным... но я совсем не понимаю его действий. За что он опять обошелся со мной как с вещью? Чувствую себя второсортным продуктом... Даже если я не должна была выходить из комнаты, для чего эта грубость?! Я же видела, как он общается с другими людьми... почему со мной все иначе? Я для него как красная тряпка для быка. Как появлюсь перед глазами – ему напрочь тормоза выбивает.

– О чем задумалась, маленькая? – мягкий голос старушки возвращает меня в реальность, и я едва не сокрушаюсь от подступивших слёз...

– Бабушка Тиса... – шепчу дрожащим голосом и хватаю её за руки, – не отдавайте меня ему! Прошу вас! Я не хочу...

– Успокойся, маленькая, Конор не тронет тебя. Он дал слово бабушке Тисе. Но и ты прикуси язычок. Ни один волк не выдержит, если его колоть ножом под ребра.

«Я бы этот нож в горло ему вставила», – в моей голове загорается злополучная мысль, но я решаю промолчать, сглаживая образовавшийся ком в горле.

– Я пойду принесу тебе одежду и обувь, чтобы ты прогулялась. Тебе сейчас нужен свежий воздух. – Выказав свою заботу, бабушка неспешно направляется на выход.

Делаю глубокий вдох и резко выдыхаю, освобождая себя от слёз, что мгновение назад были готовы вот-вот пролиться.

– Нога и правда больше не болит... – голос всё ещё дрожит, но я скрываю это громким покашливанием. – Что вы мне дали?

Она останавливается и слегка оборачивается в мою сторону.

– Секрет бабушки Тисы, – подмигивает чудная старушка с разноцветными перьями в волосах.

– Я была в каком-то транс... со странными видениями. И слабость еще чувствуется до сих пор...

– Это действие пейота, не переживай. Он уже вышел из твоей крови, и скоро силы окончательно к тебе вернуться.

После этих слов Тиса уходит. А через какое-то время мне приносит одежду маленькая девочка. У нее голубые глаза, обрамленные длинными ресницами, – на контрасте с загорелой кожей они светятся, как топазы.

Девочка протягивает мне одежду и я принимаю ее помощь. Но малышка не уходит – ерзая на месте, она с любопытством разглядывает меня.

Я тяну к ней руку и бережно касаюсь её темных волос. Маленькие губки цвета спелой вишни тут же расплываются в улыбке. И под звонкий смех она убегает вприпрыжку.

Природа одарила это маленькое чудо очаровательной внешностью.

Я надеваю длинное платье-тунику с прорезями для рук. Пальцами пытаюсь привести свои волосы в порядок, но получается не очень. Натягиваю кожаные мокасины и покидаю комнату.

В уютном холле пусто. С минуту я стою на месте и прислушиваюсь, стараясь уловить хоть какой-то звук, но в ответ лишь тишина.

Тогда я решаю выйти на улицу, где застаю картину, которая вынуждает моё сердце забиться чаще. Конор в окружении стаи волков возится с детьми. Усаживает их на громадных псин и катает. Ребяшня весело и звонко кричит, а их маленькие ручки тянутся к Дикарю, как к солнышку. Меня поражает, как детки наслаждаются его обществом. Говорят, что дети и животные способны разглядеть чистую душу человека; похоже, только я здесь считаю его неотесанным мужланом... Но для этого у меня есть не одна веская причина. За детской возней наблюдает бабушка Тиса, а с ней рядом та самая белая волчица. Прямо-таки семейная идиллия.

Мое внимание задерживается на Коноре: видеть в нем добряка мне в новинку, и я с неподдельным интересом впитываю каждую теплую эмоцию на его лице. Спустя какое-то время Дикарь замечает мое присутствие, и беззаботная улыбка тут же слетает. Я тоже не испытываю особой радости от того, что вновь вижу его в обличии злобного дикаря. И больше не задерживаясь, я спускаюсь по лестнице и иду осматривать поселение. В надежде избежать нежеланного общества варвара.

Пройдя несколько метров, я замечаю молодого парня. Его некогда белая майка вся в пятнах от машинного масла. Бро-

ви задумчиво сведены к переносице, он старательно копается в мотоцикле, на котором лежит раскрытая книга.

Не получив, судя по всему, желанного результата, парень пинает железяку и швыряет книгу на землю. Я подхожу ближе, поднимаю ее и читаю название, напечатанное крупным готическим шрифтом: «Харлей моей мечты».

– Ты умеешь читать?

– А что, я похож на обезьяну?! – ощетиливается парень. Он довольно крепкий и высокий, волосы коротко подстрижены, в отличие от волос Дикаря. У меня проскальзывает мысль: почему за столько лет Конор не попытался найти своих близких? Ведь он практически рядом с цивилизацией.

– Бабушка Тиса мне говорила, что только она говорит на моем языке...

– Английский знают все, правда, не все имеют желание говорить на нем. Но я учусь в школе. Хочешь не хочешь – а приходится.

– Понятно. – Обхватываю себя руками, запинаясь от неловкости, возникшей между нами. Но не смотря на это, мне совсем не хочется уходить. – Чем ты занят?

– Слушай, – парень мнетя и смущенно продолжает: – С девушкой Конора я не очень хочу связываться...

– Что?! – шумно выдыхаю я, но тут же беру себя в руки. – К твоему сведению я без пяти минут жена, но не Конора. Не волнуйся. Этот Дикарь мне никем не приходится.

– Ага... ты ему это скажи, – парень дергает головой в сто-

рону надвигающегося мужчины.

– Летан кигла йо [Убирайся отсюда], – грозно рычит Дикарь.

Я тут же кидаюсь прочь. Мне достаточно одной пугающей интонации зверюги, чтобы как можно скорее унести свою задницу подальше от проблем. Но он останавливает меня за руку и рывком возвращает обратно. Сглатываю. Стараюсь избегать встречи с его глазами, но не получается.

Дикарь повторяет то же самое, но на этот раз его взгляд устремлен на моего собеседника.

– Сказал же тебе, проваливай, – недовольно ворчит парень и выходит из гаража.

Оставаться наедине с Дикарем нет ни малейшего желания.

– Я хочу есть! – выпаливаю первое, что приходит мне на ум в попытке найти способ избежать близости с этим мужчиной.

Конор ухмыляется и, сделав шаг ко мне навстречу, подхватывает на руки прежде, чем я успеваю возразить. Я стискиваю зубы до заметного скрипа, изо всех сил стараюсь не касаться его широкой груди.

Дикарь направляется в сторону дома. А я вновь натянута как стальная струна – от того, насколько по-хозяйски он обращается с моим телом...

– Я прекрасно хожу ногами!

Но громадина не обращает на меня никакого внимания,

продолжая стремительно двигаться в заданном направлении. Он опускает меня только когда подходит к лестнице, ведущей на большое крыльцо.

– Купело [Пойдем], – глубокий бас пробирается по всем нервным окончаниям, а его рука на моей талии только усиливает эмоции. Я быстро перебираю ногами, стараясь сохранить дистанцию, но у меня не особо получается...

Мы заходим в просторное помещение, посреди которого стоит вытянутый массивный стол из красного дерева, а по бокам – скамейки с резным орнаментом. Во главе стола на троне расположился вождь и ведет непринужденную беседу с бабушкой Тисой, сидящей слева от него. А правая сторона пуста, именно туда и направляется Дикарь.

Важно заняв свое место, он устремляет на меня ожидающий взгляд, показывая всем видом, что я должна сесть рядом с ним. Но я по-прежнему остаюсь неподвижной.

Вокруг воцаряется тишина.

Остальные за столом решают приступить к еде, не накаляя обстановку еще больше. Видимо, Конора тут очень уважают. Даже сам вождь племени замолчал, и лишь следит взглядом за происходящим.

Я не двигаюсь. Стою, как вкопанная. Но когда поза Дикаря переходит в угрожающую, – я тут же срываюсь с места и стремительно бегу к бабушке Тисе, усаживаясь рядом с ней. Пока что она моя единственная отрада здесь.

Взгляд Конора не сулит мне ничего хорошего, а старушка

смеется, хлопая меня по коленке:

– Играешь с огнем, маленькая.

Я ничего не отвечаю. Лишь нервозно поправляю спутанные волосы. Сесть напротив Дикаря тоже было не лучшей идеей. Под таким взглядом и кусок в горло не полезет.

Но пряный аромат вновь проникает в мои ноздри, и рот непроизвольно наполняется слюной.

Я сглатываю, разглядывая стол, который ломится от разнообразной еды. Тиса щедро накладывает мне в тарелку мясо, жареный хлеб и гарнир – похоже, там бобы и кукуруза, а судя по запаху, еще и тыква, – и сверху кладет веточку можжевельника. А потом ставит ее передо мной вместе с деревянным кубком, наполненным жидкостью с терпким ароматом.

Я незамедлительно приступаю к еде, ибо если не попробую – подавлюсь собственной слюной.

Аккуратно кладу кусок мяса в рот и медленно его пережевываю.

– М-м-м, – от удовольствия я закрываю глаза. – Бабушка Тиса, ничего вкуснее я не пробовала, – подношу к губам бокал и делаю большой глоток, тут же жалея об этом.

Рот мгновенно обжигает жаром так, что из глаз сыплются искры. От горечи даже кончик языка немеет... Я пытаюсь, конечно, не подать виду, но без особого успеха...

Наконец, проморгавшись, я жадно хватаю ртом воздух. И

замечаю, как Дикарь усмехается, глядя на мою реакцию.

Но я демонстративно игнорирую эти усмешки, избегая встречи с его нахальным взглядом. И если не брать в расчёт этого напыщенного мужлана, в принципе, застолье проходит вполне спокойно, и я даже понемногу начинаю расслабляться.

– Бабушка Тиса, что это за гадкое пойло?

– Это вино с острым перцем, сдобренное соком табака, – усмехается старушка.

– Это самый ужасный напиток, что я пробовала, – шепчу ей на ухо, и мы смеемся.

Дикарь закончил трапезу и, приняв расслабленную позу, теперь наблюдает за мной.

Я подношу к губам ложку с рагу, и от толчка в спину капаю себе на грудь.

Маленькая девочка – та, что принесла мне одежду – играла с волчонком и случайно задела меня. Но от строгого замечания взрослого девочка успокаивается и садится за стол.

Я кладу обратно ложку и пальцем подбираю упавшую каплю. Салфеток на столе я не вижу, поэтому просто слизываю ее. Не думаю, что сильно нарушу их этикет, тем более от такой вкуснятины и правда хочется облизать пальчики.

Но я не учла одну вещь.

Дикарь, сидящий напротив, следит за каждым моим движением, и от моего такого откровенного жеста его глаза вспыхивают опасным огнём. Хотя, думаю, вспыхнули у него

не только глаза. Все его тело кричит о напряжении.

Он по-прежнему удерживает меня под тяжестью своего взгляда...

– Конор! – внезапно раздается грубоватый женский голос, что перенимает его внимание.

В помещении появляется худая и очень высокая девушка – сбросив с себя сумку, она бежит в сторону моего дикаря. «Моего...» Мысленно бью себя по рукам за это.

Я не успела заметить, как он встал, а она запрыгнула к нему на руки, обвив его длинными ногами. Чувствую себя так, словно меня пнули под дых.

Странная реакция...

Я закидываю ногу на ногу и подаюсь вперед, облокотившись об стол. Подпираю щеку ладонью и продолжаю рассматривать «сладкую парочку». В разговор я не вникаю, все равно ничего не понятно. А вот интерес к тому, как они реагируют друг на друга, неприлично возрастает.

В глазах Конора загорается теплый огонек, и улыбка не сходит с лиц обоих. Наконец девушка отстраняется от него и обнимается со всеми присутствующими, задержав строгий взгляд на мне, после чего она неспешно усаживается на место Конора и переключает внимание на вождя, который взял девушку за руку.

Есть в ее экзотической внешности что-то азиатское. Черты лица приправлены грубостью, но это лишь добавляет своеобразной красоты. А густые широкие брови придают

этой юной особе толику мужественности.

Эффектная девушка.

Но меня начинает напрягать то, как она смотрит на Конора. Девушка явно влюблена в этого мужчину, и очень сильно. Ее глаза светятся при взгляде на него. И она будто всем своим видом обозначает, что это ее территория. Ухаживает за Конором, подкладывая ему побольше мяса на тарелку, на что он благодарно улыбается и аккуратно заправляет ей выбившиеся пряди волос. Она также постоянно касается его руки и прижимается к ней, поглаживает, а он лишь улыбается, ещё больше поощряя ее.

Внутри все скручивает от горькой обиды... от понимания того, что он может быть нежным, но только не со мной.

Не в силах объяснить себе такую нездоровую реакцию, я собираюсь выйти из-за стола, чем привлекаю внимание Конора. И девушка замечает это, после чего выражение ее лица из жизнерадостного становится враждебным и напряженным.

– Хе туве уо? [Кто это?] – спрашивает она с пренебрежением.

– Нинимуша ле Конор [Милая, подруга Конора], – лукаво произносит бабушка Тиса.

В этот момент все взоры устремляются на дикаря. Конор усмехается и потирает бороду, одарив старушку удрученным взглядом, будто он не хотел поднимать эту тему.

– Уг. Ле митава вин [Да. Это моя женщина], – твердо го-

ворит он и уверенно смотрит на меня.

Я начинаю нервничать от непонимания ситуации. А реакция девушки после слов Дикаря и вовсе приводит меня в ужас:

– Ун-хии [Я убью ее], – грудной рык вырывается из ее рта, и она кидается в мою сторону.

Но Дикарь предотвращает нападение, резко схватив ее за плечо и усадив обратно.

– Аяша! – рявкает он.

– Иза, ничуинтку! [Стыдись, дочка!] – строго осаживает девушку вождь.

Она кидает на меня убийственный взгляд и, скинув руку Дикаря, уходит прочь. Очень любезно с ее стороны.

Недовольно фыркнув, тот поднимается из-за стола и следует за ней.

– Не обращай внимания. Она пять лет бегает за ним, как влюбленная дурочка, – хихикает старушка. – Но Аяша не его пара, он не испытывает к ней то, что должен испытывать мужчина к любимой женщине.

– Бабушка Тиса! Мне плевать, – я тут же поднимаюсь из-за стола и, извинившись, покидаю помещение.

Выхожу на улицу и отчаянно опираюсь руками о перила, пытаюсь прийти в себя. Но моя необъяснимая досада не утихает. «Он не испытывает к ней то, что должен испытывать мужчина к любимой женщине». Вот только он относится как

раз таки к ней как к женщине, а не как к пустому месту... Хотя я не пустое место, я в роли груши для битья. Складывается такое ощущение, что всю свою злость он тупо вытесняет на мне...

К черту все!

Я отталкиваюсь от перил и направляюсь прочь. Хочу побыть одна. Плевать уже на волков. На реакцию дикаря. Я просто иду в неизвестность, вглубь леса, и с каждым шагом мне становится легче.

Глава 11

Перед моим взором открывается красивое дикое озеро, в которое плавно стекает каскадный водопад. Вокруг столпились величественные сосны, упирающиеся в небо пушистыми кронами. А зеркальную гладь воды укутывает мистический туман, что манит меня в свои владения.

Инстинкт художника вновь поглощает меня: ладони начинают зудеть, а в груди все клокочет от трепещущего восторга. Я загораюсь сумасшедшим желанием взять в руки кисть и перенести лесное озеро на холст.

Но порыв вдохновения сменяется жгучей потребностью окунуться в этот райский водоем – я не в силах ей противиться. Да и охладиться мне не помешает.

Я аккуратно стягиваю с плеч потрепанное платье и, уронив к ногам, переступаю через него. Мне просто необходимо

вкусить эту пленящую свежесть воды.

Но от легкого порыва ветра по телу пробегает рой колючих мурашек, и я замираю из-за накатившего волнения: мне кажется, будто я ощущаю на себе горячий взгляд Дикаря. Физически чувствую его, отчего тут же прикрываюсь руками, и с опаской оглядываюсь вокруг.

И только, убедившись, что это обычная паранойя, я медленно захожу в озеро. Шум водопада постепенно успокаивает, и я полностью встаю под мощный напор воды. Ее энергия взбудораживает меня, а от резкой прохлады мои соски заметно твердеют.

Несмотря на безумный холод, я вспыхиваю как спичка – палящий жар разливается по телу приятной истомой. Я делаю еще шаг вперед, и, погрузившись во властные объятия водопада, отдаюсь расслабляющим впечатлениям.

Запустив пальцы в волосы, я мягко массирую голову, и, закинув ее назад, ловлю лицом хрустальные капли воды.

Но блаженное спокойствие прерывает ощущение чужого присутствия у меня за спиной... Кислород тут же покидает мои легкие, и я резко разворачиваюсь, судорожно хватая ртом воздух.

Надо мной возвышается Дикарь, испуская штормовые волны гнева. Черные глаза широко распахнуты и опасно блестят. Его рука безжалостно обхватывает мое горло и рывком притягивает меня к себе. От неожиданности и нахлынувшие-

го шока, я замираю, окончательно забывая, как дышать... Я словно нахожусь в гипнотическом трансе, лишь медленно скольжу взглядом по мускулистой груди верзилы.

Очнувшись от испуга, я собираю последние силы в кулак и упираюсь в его каменную грудь ладонями... Всё мое тело источает жгучую панику – но ему плевать. Второй рукой он грубо подтягивает меня за талию, и я касаюсь животом его твердого внушительных размеров достоинства. Новая волна паники накрывает меня с головой. Все как в тумане. Я не вытерплю очередного звериного натиска...

– Я не животное! – яростно кричу ему прямо в губы сквозь шум воды. – Я женщина! И я хочу ласки! – я уже не боюсь его реакции. Хочу, чтобы он перестал обращаться со мной как дикарь.

На что он одаривает меня свирепым взглядом, в то же время полным вожделения, но хватка слабеет, и зверюга выпускает мою шею из захвата. Его рука тут же перемещается на мою обнаженную ягодицу, грубо сминая ее. Варвар вновь демонстрирует свое превосходство надо мной. Но я хочу показать этому одичалому мужчине, как можно любить женщину, несмотря на то, что боюсь его.

Этот непонятный для меня язык не позволяет нам общаться должным образом, а только добавляет его облику кровожадности и жестокости в моем воображении.

Но, переборов свой страх, я всё же поддаюсь необъяснимому импульсу и ласково касаюсь его сурового лица рукой.

Дикарь мгновенно напрягается и сжимает меня в своих железных тисках ещё сильнее. Отчего внутри всё натягивается стальной струной, а моё тело, напротив, желает стать слабым и зависимым от него. Вопреки логике, я хочу почувствовать этого мужчину...

Переждав волнение и пересилив девичью трусость, я наконец припадаю к его жестким губам. Мягко касаюсь их и не могу сдержать тихого всхлипа.

Невзирая на его пугающую ауру, он притягивает меня. Очаровывая своей дикой харизмой, словно проклятым колдовством.

– Я хочу научить тебя, как нужно обращаться с хрупкой девушкой, – нежно шепчу ему в губы, в надежде, что он понимает меня, и бережно скольжу ладонью по его колючей щетине.

Конор испускает дикий рык и нападает на меня голодным поцелуем, срывая все грани приличия. Со мной прежде не происходило ничего подобного: я готова достигнуть головокружительной точки невозврата от одного лишь только поцелуя. Я бессильна против этого зверя. И не могу противостоять яростному напору.

Но мысль о том, что он относится ко мне как к второсортной вещице, болезненно проскальзывает внутри, и чувство обиды отрезвляет меня, возвращая в реальность. Я отталкиваю своего одичалого хищника... Осознавая свою провальную попытку достучаться до него...

Нервно вбирая воздух носом, я чувствую, как его разлил мой отказ; собрав остатки смелости, я поднимаю настороженный взгляд, и, смотря в животные, озлобленные глаза дикаря, ожидаю наказания за свою дерзость...

С минуту он стоит молча. Просто прожигает меня потемневшим взглядом. Естественно, я понимаю, почему Дикарь так взбешен. Хоть с виду он и сохраняет спокойствие, его глаза вопят об обратном.

Смотрю на него и жду своего наказания, но Конор по-прежнему бездействует, лишь склоняет голову набок и скрещивает руки на широченной груди, жадно впиваясь взглядом в мое обнаженное тело. А внутри ощущение, будто он вгоняет мне под кожу иглы и медленно их прокручивает, выворачивая меня наизнанку.

Стою, переминаясь с ноги на ногу, но не отворачиваюсь. Не собираюсь прогибаться, уже запугал достаточно, и хуже вряд ли поступит... Хуже просто некуда.

Свыкнувшись с его тяжелым взглядом, осмеливаюсь блуждать своими глазами... изучая его уверенную позу.

Влажная футболка прилипла к крепкому телу мужчины и откровенно подчеркивает его красивую фигуру. Мощные плечи размеренно поднимаются в такт дыханию. Торс словно от скульптуры Аполлона, заметен каждый выступ под тяжелой намокшей тканью. Непроизвольно опускаю свои бесстыжие глаза еще ниже и чувствую, как мои щеки мгновенно вспыхивают. Резко отворачиваюсь в сторону и смотрю на

встревоженную водопадом гладь воды.

Нет, на зефирную девочку я точно не похожа. Просто некомфортно под властным взглядом этого зверя, да и его мужской орган во всей красе выпирает сквозь плотно облегающие штаны, там и без фантазии все понятно.

Замечаю, что Дикаря забавляет моя реакция, и злость в его глазах постепенно утихает. Не без усилий, но мужчина всё же берет над собой контроль. Неужто зверь становится покладистым?! Чудеса, неужели меня не потащат, как чемодан без ручки?!

Но от дурного предчувствия все равно посасывает под ложечкой.

Я несмело начинаю двигаться в сторону берега, в ожидании, что он остановит меня, но... не чувствую на себе его хватки и, ускоряя свой шаг, выхожу на берег. С трудом натягиваю на мокрое тело тунику. Отвратительно. От неприятного ощущения даже передергивает. Повязка на ноге намочла и съехала, и мне приходится приложить усилие, чтобы натянуть мокасины.

– Йаупело [Идем домой], – рокочущий бас раздается позади меня, запуская по венам новую порцию волнения. Слово мне уже знакомо, но, не оборачиваясь, я упрямо направляюсь в сторону деревушки индейцев.

– Хийа [Нет], – его голос приобретает металлический оттенок. Я останавливаюсь. Останавливаюсь от прозвучавшей

угрозы.

– Ункупело [Мы идем домой], – более спокойно, но все же строго произносит Дикарь.

И этого достаточно, чтобы заставить меня обернуться. Мои руки настолько напряжены, что почти дрожат, а ладони сжаты в кулаки.

– Я не пойду с тобой!

Мужчина раздражённо закатывает глаза и незамедлительно направляется в мою сторону.

Да уж... рано я радовалась.

Понимание того, что все равно будет так, как хочет это животное, распаляет во мне желание причинить ему боль.

– Лечи у уо [Иди сюда], – он протягивает руку и жестом манит к себе. Ага, сейчас. Уже иду, милый. Я, не раздумывая, разворачиваюсь и бросаюсь наутек, но моя попытка убежать с крахом проваливается.

Я даже не замечаю, как вместо земли уже рассекаю ногами воздух. Не обращая внимания на мое сопротивление, он перекидывает меня через плечо и рычит:

– Чанзе! [Не зли меня!]

Я не понимаю смысла слов, но его устрашающей интонации достаточно, чтобы уяснить: зверь в гневе. Однако успокаиваться я не намерена. Особенно вспомнив, из-за чего вообще сюда пришла.

– Отпусти! Можешь так со своей Аяшей обращаться! А от меня отвали! – не переставая кричать, я колочу его в спину,

ерзаю на плече, дергаю ногами, но он крепко фиксирует их рукой, лишая меня возможности хорошенечко двинуть ему по лицу. Зверюге придется приложить усилия, потому что я не собираюсь выполнять его прихоти.

– Со мной, значит, можно как с вещью обращаться?! – я со всей силы дергаю ногой и наконец задеваю его. Ответная реакция следует незамедлительно, и моя задница вспыхивает пламенем. Его ладонь еще раз накрывает мои ягодицы и сминает их так грубо, что из глаз аж искры летят. Как же больно, мать твою! Из-за мокрой, плотно натянутой ткани его шлепок оказал должный результат, и мне приходится успокоиться.

– Ненавижу тебя! Животное!

В следующее мгновение он впивается в ягодицу зубами, и из моей груди вырывается болезненный стон. Он тут же снимает меня с плеча и зажимает в руках на уровне своего лица.

– Самое настоящее животное! – с яростью выплевываю ему в лицо каждое слово.

– Витко! [Глупая!]

– Сам ты витко! – шиплю я, глядя ему прямо в глаза. Дикарь усмехается, демонстрируя белоснежный оскал. – Смешно?! – рычу, стиснув зубы, и упираюсь ему в грудь ладонями, пытаюсь отстраниться. Но не получается.

От злости с языка слетают необдуманные слова.

– Тебя там, наверное, твоя подружка уже обыскалась! Бе-

ги, не расстраивай ее! – презрительно цежу я, продолжая испепелять его взглядом. Как же я зла на него! Придушить охота – правда, я не смогу даже обхватить эту широченную шею ладонями, не то что сжать.

Ухмылка Дикаря переходит в раскатистый смех, который вибрацией проходит по моему телу. Я как дура пялюсь на него, не понимая такой реакции.

– Ненормальный! Отпусти меня! – начинаю бить ладонями по стальной груди. Но его рука, наматавшая мои волосы на кулак, останавливает меня. Я дышу как разъяренный бык – уверена, что и глаза красные от неконтролируемой ярости.

– Я никогда! Слышишь меня?! Никогда не буду с тобой!

Он грубо задирает мне голову назад и впивается зубами в тонкую кожу шеи. Я зажмуриваюсь и закусываю губу, чтобы сдержать стон, но всхлип все равно вырывается, когда он ведет языком по месту укуса и оставляет обжигающий поцелуй на подбородке...

Дикарь высвобождает мои волосы и позволяет посмотреть в свои чертовские глаза. Моя грудь судорожно вздымается, а губы пересохли от волнения. Но язычок я удерживаю за зубами – боюсь, он расценит очередную колкость как провокацию, и тогда последняя сдерживающая его нить разорвется с треском.

– Пусти... пожалуйста, – цежу сквозь зубы и выдаю натянутую улыбку.

И, вопреки всем ожиданиям, он всё же ставит меня на

землю. Сразу вспоминаю слова бабушки Тисы: «Будь мудрее, и увидишь его с другой стороны»...

Внутри все ликует. Я могу двигаться как свободный человек, правда, моё направление определяет надзиратель: делаю шаг, и тут же меня отдергивает его хватка на запястье. Я смеряю его раздраженным взглядом, но то, что происходит следом, заставляет меня затрепетать изнутри.

Дикарь ослабляет хватку и, взяв меня за руку, увлекает за собой. Правда, все равно его широченная ладонь подавляюще сжимает мою. Я молчу. Я просто не могу ничего сказать, это какой-то абсурд... идем за ручку, как влюбленная парочка. Хотя со стороны больше похоже, будто свинью ведут на убой.

Опускаю взгляд на наши переплетенные руки, и даже в этом незначительном жесте – неограниченная власть надо мной. Сильные пальцы и жилистая кисть, на запястье которой нервно пульсируют вены. И моя хрупкая ладонь в жарких тисках зверя. Я стараюсь не думать о его руке на моей, но волны, исходящие от пылающего центра нашего соприкосновения, накрывают все больше и больше...

Однако через пару минут ходьбы меня отвлекает дискомфорт. Стопа начинает поднывать оттого, что мокрая повязка натирает рану. И я уже жалею, что отстояла право идти пешком. Но я же гордая. Дойду сама.

Стиснув зубы, шагаю, не подавая вида, стараюсь передви-

гаться небыстро, чтобы он не заметил мою хромоту. Но Дикарь и не торопит меня, только вот даже его спокойный шаг опережает мой.

Я отчаянно иду следом за ним, уперев взгляд в мощную спину, а в голове возникает невольная параллель. Мой домашний Говард, блондин с голубыми глазами и нежными руками, и грубый варвар с замашками альфа-самца... который одним своим присутствием вышибает моего жениха из мыслей и даже не позволяет думать о нем. Будто заявляет всей своей звериной сущностью, что я его и ничья больше.

Глава 12

И вот передо мной появляется тот самый злополучный дом Дикаря. И клетка, в которой до сих пор лежит волк... мой спаситель. На глазах наворачиваются слезы. Все положительные, если их можно так назвать, моменты, которые я увидела в дикаре, когда мы были в индейском племени, тут же вырывает с корнем. Ко мне возвращается прежняя злость на это чудовище... Поступки его говорят красноречивее всяких слов и обманчивых улыбок. Он зверь, жестокий и кровожадный, не знающий ни сожаления, ни любви!

Собираю все свои силы в кулак и вырываю руку из хватки варвара. У меня получается, потому что он этого не ожидал. И, не задумываясь, я бросаюсь к клетке, наплевав на боль в стопе.

Дышит. Слабо, но дышит. Мой малыш. Несмотря на то, что он далеко не маленький, этот волк для меня особенный. Хочется обогреть его и накормить.

Только вот Дикарь отдергивает меня от клетки, разбивая все мои мысли в щепки, но я снова вырываюсь.

– За что? Почему ты с ним так жестоко обращаешься?! – от вскипевшей злости я толкаю Конора в грудь, но, естественно, он даже с места не двигается. Зато в следующее мгновение меня уже волокут в дом. От такого грубого рывка за руку я прихожу в удивление, что она вообще еще на месте.

Резким движением мужчина затаскивает меня внутрь своего логова. Не вооружённым глазом видно, как его трясет. Опять бешеный. Ему самое место в лесу. Психопат.

– Прекрати и со мной так обращаться! – в очередной раз я выдёргиваю свою руку из жёсткой хватки громилы, и сразу начинаю пятиться назад.

– Хейапи! [Заткнись!] – рокот его голоса пробирает меня до костей, и Дикарь кидается в мою сторону.

Я успеваю увернуться и тут же пулей бегу на кухню, хватаю нож и мгновенно разворачиваюсь к нему – острое упирается ему прямо в горло. Меня всю трясет, но я нажимаю на яремную ямку, а этот ненормальный придвигается еще ближе. Неужели он так уверен, что я не воткну нож ему в глотку?!

– Иди к черту! – вновь надавливаю, а у самой руку словно током прошибает.

В ответ две мощные ладони мужчины подхватывают меня за бедра и решительно усаживают на стол. Из-за плотного материала платья, еще и влажного, оно не задирается и не дает развести ноги. Но Дикарь намерен это исправить и выпускает свои руки под подол.

– Ты обещал не трогать меня! – рычу я сквозь стиснутые зубы, и вдавливаю стальное лезвие сильнее, замечая на нём, стекающую каплю крови...

Но моя рука не двигается с места, пока его ладони не начинают грубо скользить вверх, и только это сбивает меня с толку. Вверх. Обжигая кожу. Задирая платье. Отчего мои ноги сами разъезжаются. Боже, я как плавленый сырок в его руках. Пытаюсь сдвинуть бедра, но его мощное тело не позволяет мне это сделать. Дикарь ещё агрессивнее сдавливает мои обнаженные ягодицы и прижимает вплотную к себе. Я чувствую его эрегированный член. От ощущения холодной ткани его брюк низ живота еще сильнее пробивает и сворачивает в тугий узел. Машинально я начинаю ерзать попойкой в попытке высвободиться, но он намертво вцепился в меня.

Конор уверенно перемещает свою руку на мою и сдавливает так, что пальцы болезненно впиваются в рукоятку ножа, который по-прежнему упирается ему в глотку.

– Ун [Убей], – приказным тоном он говорит мне прямо в губы. И нажимает еще сильнее. Я тут же выпускаю из рук орудие защиты, и в этот момент он впивается в мои губы жадным поцелуем. Лишай кислорода. Лишай возможности

избежать столкновения. Взял свое и теперь истязает меня, проникнув внутрь своим наглым языком. Грубая ладонь Дикаря скользит вверх, сжимая грудь сквозь мокрое платье, и я инстинктивно выгибаюсь, как марионетка в его руках. На секунду у меня получается отстраниться и хватануть воздух, но он вновь нападает на мой рот. Терзает. Рычит. Руки алчно блуждают по телу. Я пропала. Между ног все пылает, и приходится до боли сжимать бедра, чтобы заглушить это всепоглощающее чувство.

– Митава [Моя], – хрипит он мне в губы, а я проглатываю его голос, словно наркотик, отчего моя голова окончательно идет кругом. Но дальше поцелуя не заходит...

Дикарь возвращает себе самообладание и отстраняется. Я бы сказала, отрывается от меня – будто кору насильно отдирают от дерева.

Его глаза горят опасным желанием, и мне становится не по себе. Мое сердце панически трепещет в груди, перебивая и без того неровное дыхание. Но, видимо, обещание, которое он дал бабушке Тисе, имеет вес для него. Даже достигнув, казалось бы, точки невозврата, мужчина вновь берет ситуацию под свой контроль.

Я упираюсь ладонями ему в каменную грудь и надавливаю, давая понять, что хочу, чтобы он отступил. Дикарь не противится, спокойно отстраняется, и я спрыгиваю со стола, одергивая подол платья.

– Мне нужно переодеться... в сухое... – решаю прервать

неловкое молчание, потому что я немного озябла из-за намочшей ткани и волос.

Дикарь уходит на второй этаж и появляется с хлопковой рубашкой. Я протягиваю руку, но он машет головой, показывая, что сначала нужно снять платье. Нахмутив брови, я отворачиваюсь и стягиваю его, сбросив влажную тряпку к ногам. На стол прилетает сухая рубаха, я тут же надеваю ее, и тону в мускатном запахе Конора. Рубашка большая и спадает, слегка оголяя плечо. Зато достает до колен. Меня устраивает.

– Спасибо, – сухо говорю я и разворачиваюсь. Дикарь смотрит мне в глаза, скрестив руки на груди и облокотившись о высокую спинку стула. Затем слитным движением отталкивается от него и направляется в мою сторону.

Я за секунду вжимаюсь спиной в край столешницы, внутри все блокируется в ожидании очередной схватки со зверем. Но он только подталкивает меня к лестнице, загораживая обратный путь своей грудью.

Я принимаю единственный выход в данной ситуации и неохотно поднимаюсь вверх. Спать с ним в одной комнате я не собираюсь, но для начала стоит понять верны ли мои опасения... Только вот как?! Думай, Ада! Думай!

– В какой из комнат я буду спать? – вкладываю все силы, чтобы мой голос показался милым и, поравнявшись с ним, встречаюсь с его взглядом. Дикарь вопросительно изгибает бровь и, фыркнув себе под нос, проходит вперед меня. Да,

обмануть хищника будет сложно.

Зайдя в комнату, я усаживаюсь на стул, который замечаю в углу, и, сняв обувь, осматриваю раненую стопу.

– Мой бинт намок, – неуверенно начинаю я. – Мне нужно чем-то заменить его.

Дикарь опускается на колени и берет мою лодыжку в свои варварские руки. От его прикосновения все тело напрягается, и я выгибаю грудь вперед, выпрямив осанку. Почему-то сейчас испытываю легкое удовлетворение от того, что он у моих ног, – губы непроизвольно изгибаются в улыбке.

Опустив мою ногу, он поднимается и направляется в другой конец комнаты. Открывает громоздкую деревянную тумбу, достает колбу с прозрачным содержимым, мутную банку, и возвращается, вновь заняв место у моих ног.

В этот раз я сама подставляю ему ступню и, задрвав подбородок, смотрю прямо в глаза. Однако мое самообладание улетучивается, когда он выворачивает мне щиколотку и сбрызгивает рану содержимым из колбы.

– Ш-ш-ш, – я шиплю от жгучей боли и вырываю ногу из его рук. Но он возвращает ее обратно, сжав на лодыжке грубые пальцы ещё сильнее. Я стискиваю челюсти до скрипа и награждаю его раздраженным взглядом. Но мое лицо смягчается, когда я чувствую его дыхание на своей ступне.

Дикарь дует на место жжения, облегчая мой дискомфорт. Отчего я вся покрываюсь колючими мурашками, и начинаю

переминаться на стуле. Его хватка становится мягче, когда он берет немного густого содержимого из мутной банки и пальцем наносит на порез, попутно обдувая его. Всё это завораживает меня и немного шокирует... ласковый Дикарь. Это какое-то недоразумение, зачем он вообще возится со мной? Зачем я ему?

Закончив перевязывать мою рану, он все убирает и направляется на выход из комнаты.

– Спасибо, – снова вырывается из моей груди, но его это не останавливает и уже через секунду я остаюсь одна.

Проявление чуткости от Дикаря окончательно сбило меня с толку. В его огрубевшей душе есть место и для доброты. Правда, доброта эта выражается своеобразно, не позволяя забыть о его звериной натуре.

Как бы то ни было, протянутая рука помощи не отменяет моего нежелания делить с ним постель. Я вскакиваю на ноги и, прихрамывая, на носочках добегаю до двери; закрываю ее, подперев стулом.

Устало выдыхаю, из последних сил добираюсь до кровати и, свалившись с ног, тупо смотрю в потолок, а в голове бесконечный поток мыслей...

Ищет ли меня кто-нибудь? Говард? Мама? Сестра? Последний вариант точно отпадает. Думаю, моя сестра идеально бы поладила с Опррой Митчелл, есть у них кое-что общее – это ненависть ко мне. Я потрясла головой, чтобы не думать о них; по крайней мере, избежать неприятной встречи с бу-

душей родственницей мне удалось... Говорят же: все, что ни делается, – все к лучшему? Может, и не нужна эта свадьба... Знак свыше? Нет, это знак того, что я свихнулась от последних событий своей жизни. Я так ждала этой свадьбы, и вот лежу в кровати у другого мужчины. Я, конечно, утрирую, но все явно не так, как я ожидала. Как бы мне хотелось, чтобы Говард знал, что я жива... Наверное, места себе не находит... Хочу домой... Хочу к Говарду... к себе в мастерскую. В груди тоскливо щемит, и я сжимаюсь калачиком, и под нескончаемую какофонию мыслей незаметно засыпаю...

Глава 13

Меня будит протяжной волчий вой, заставляя принять сидячее положение. Потираю ладонями заспанное лицо и обнаруживаю, что в комнате я по-прежнему одна. Стул стоит на том же месте. Даже не ломился... что крайне настораживает.

Аккуратно сажусь на край кровати и надеваю обувь, замечая, что порез совсем не беспокоит. Опять их шаманские проделки.

Отодвинув стул, приоткрываю дверь и осторожно выхожу из комнаты. В доме тишина, слышно лишь потрескивание дров, и я спускаюсь вниз.

Не обнаружив Дикаря и на первом этаже, я немного расслабляюсь. Но волчий вой снова привлекает мое внимание.

Я выглядываю из окна и понимаю, что это мой малыш. Нет! Так больше не может продолжаться, я должна прекратить живодерство над бедным зверем.

Выхожу на улицу и, оглянувшись по сторонам, быстрым шагом направляюсь в сторону клетки. Янтарные глаза хищника пристально следят за мной, пока я решаюсь на дальнейшие действия.

Несмотря на то, что он спас мне жизнь, сейчас я испытываю нервозность... Руки покрылись холодным потом, и легкий тремор пробивает коленки. «Так... соберись, тряпка!»

Щеколда плотно закрыта, голыми руками мне ее не открыть. Я нахожу камень, и спустя пару ударов мне удастся выбить задвижку.

– Малыш! Я сейчас тебя освобожу, и даже не думай есть меня! Открываю дверь, ты убегаешь и все! Мы квиты! – уже умом тронулась... разговариваю с животным.

Зажмурив глаза, я медленно отворяю клетку и замираю. Минуту, две, три стою не шевелясь, боюсь даже глаза открыть. Но когда открываю, едва не падаю. Эта черная громадина сидит напротив меня и выжидающе сверлит своими ярко-желтыми глазами...

– Ты свободен! Убегай и больше не попадайся на глаза этому дикарю! – слова судорожно слетают с моих пересохших от волнения губ.

Волк неспешно встает на свои мощные лапы и направляется ко мне. Он слаб. Но не сломлен. Несмотря на истоще-

ние, под его шкурой прослеживаются рельефные и сильные мышцы. Видеть такое в живую, своими глазами, а не по каналу «Дискавери», как восьмое чудо света. Восхищаюсь этим самцом! Красивый зверь.

Хищник утыкается влажным носом в мою руку и подбирает ее. Я неуверенно чешу его за ушком и слышу, как большой пес скулит. Мое сердце болезненно сжимается, и я опускаюсь перед ним на колени.

– Ты невероятный! – уже смелее глажу массивную голову зверя и любуюсь волшебными глазами золотистого цвета янтаря. Острые уши волка устремлены вверх и внимательно меня слушают. – Какие у тебя бакенбарды, – расхваливаю его густую шерсть. – Настоящий мужчина!

Легонько похлопав его по макушке, я поднимаюсь и смотрю на него сверху вниз:

– Беги, малыш...

Волк одаривает меня прощальным взглядом и мгновенно скрывается в лесу.

Я разворачиваюсь к дому и моё сердце тут же сжимается в болезненный ком, когда я взглядом встречаюсь с лицом Дикаря. Сказать, что он в бешенстве, – ничего не сказать. Одни только глаза убивают, а что будет, когда его руки до меня доберутся?!

Рассекая воздух резкими движениями, варвар шагает в мою сторону. Он весь воплощает собой неминуемую опасность, и я машинально пячусь назад.

– Йе шни йо! [Стой на месте!] – его голос, искаженный злобой, парализует меня, но ненадолго. Одного тона достаточно, чтобы захотеть унести свои ноги подальше от него... И перевод мне не нужен. Понятно и так... он убьет меня...

Я устремляюсь в лес подобно выпущенной из лука стреле, ловя долетающие в спину крики Дикаря, и это заставляет меня бежать только быстрее. Темно и страшно, но адреналин заглушает и то и другое, пока я не врезаюсь во что-то пугающе большого размера с грубой шерстью.

От сильнейшего испуга меня продирает озноб, а от увиденного ужаса крик застревает в горле... Надо мной возвышается крупный и разъяренный медведь. Из его мощной пасти исходит жаркое дыхание, отчего я шарахаюсь назад, но, споткнувшись об корни, болезненно падаю на спину.

Грозное животное встает на дыбы и издает трубный рев, распадающийся на хрипящие клокочущие звуки. Я судорожно пытаюсь отползти от зверя, но он обрушивается всей своей тушей на землю, пуская по ней дрожь. Липкий ужас за одно мгновение сковал все мои конечности... тело больше не слушается меня...

Медведь вновь поднимается в полный рост и заносит мощную лапу, из которой торчат смертоносные когти. Сквозь его рев мой крик слышится как комариный писк... Я закрываю ладонями лицо и замираю в ожидании своего последнего вздоха. Но когда медведь кидается на меня, вместо ожидаемой боли я чувствую горячее мускулистое тело,

придавившее меня к земле и накрывшее собой. Через пелену страха до меня доносится осязаемый, утробный рык с последующим сдавленным шипением, а над головой – звонкое клещанье зубов и волчьих рычания, сменяющиеся визгами.

В плену охватившей меня паники, я не успеваю заметить как вес тяжелого тела исчезает, позволяя мне сделать жизненно необходимый вздох. Я неуверенно приподнимаюсь и, приняв сидячее положение, растираю пульсирующие виски. Утомленное зрение постепенно начинает передавать картинку в мой затуманенный от страха мозг. И я обмираю от того кошмара, который вижу перед собой.

Кровожадная схватка. Беспощадная. Не на жизнь... Медведь раскидывает всех без разбора взмахами огромных лап. Его габариты дают ему большое преимущество – и, осознавая это, я с ужасом наблюдаю, как мой Дикарь борется за жизнь, защищая меня своей грудью. Тревога полностью парализует моё тело, а учащенное сердцебиение вновь заглушает разум...

В очередной раз медведь заносит когтистую лапу и одним движением рассекает грудь варвару... Я закрываю глаза, не в силах больше смотреть на это. Поток слез вырывается наружу, как бушующая морская вода, снесшая плотину. А в голове раз за разом вспыхивает кадр, как за считанные секунды грудь Дикаря покрывается его собственной кровью...

От звука надрывных криков Конора я плотно закрываю уши ладонями и отчаянно мотаю головой, чтобы не слышать

их. Больше не могу терпеть всего происходящего. Это настолько ужасно, что дышать становится все сложнее и сложнее, воздух напоминает битое стекло, что при вдохе застревает прямо в горле.

Но внезапно мои мучения прерывает перепрыгнувший через меня волк, который кидается прямо на спину зверю и вонзает острые зубы ему в холку. Не теряя времени, еще три волка начинают терзать медведя, растаскивают в стороны его громадные лапы, вырывая из пасти дикий рев. Очередной волчий укус пробуждает в буром хищнике неистовую ярость: он одним ударом отбрасывает Дикаря к дереву и, скинув серого волка со спины, всей своей мощью вдавливая его лапой в землю... Сквозь хруст костей слышится глухой, жалобный писк волка... А после из груди Дикаря вырывается нечеловеческий крик, в то же мгновение он поднимается на ноги и, сделав мощный рывок, вонзает нож в бок медведя. Еще. И еще. Наносит множество точных и жестоких ударов, окрашивая все вокруг темно-красным цветом. Решающим ударом он вонзает свирепому животному тесак в глотку и вспарывает ее, выпуская фонтан багровой крови. Огромная туша безжизненно падает на землю и вокруг воцаряется оглушающая тишина.

Лишь Белая волчица тоскливо скулит, тыкаясь носом в безжизненную плоть волка... и вся стая собирается вокруг погибшего брата... Конор следом опускается на колени и

утыкается лицом в окровавленную шерсть животного. Издав гулкий крик, он крепко сжимает его шкуру в кулаках и замирает. Спустя пару минут Дикарь выпрямляется и, накрыв рукой голову волка, хрипло произносит:

– Истима йо, вемэтин! [Спи крепко, брат!] – опершись о колено рукой, он поднимает свое дрожащее тело в вертикальное положение.

Только сейчас замечаю, что спина Конора тоже раздражена... пять глубоких линий сочатся кровью, которая струится по его бронзовой коже. Плечи дикаря подрагивают, а тело напряжено так, что каждый мускул выступает над кожей, каждая вена и жила пульсирует. Он с трудом удерживает себя на ногах, пока массивный корпус качает из стороны в сторону, и при попытке сделать шаг... Конор замертво падает на землю...

Глава 14

Чувствую, как меня всю трясет, а ощущение подступающей тошноты только усиливается. Пытаюсь пошевелиться, но плохо получается. В голове стучит единственная мысль: нужно бежать отсюда. И как можно скорее. Я больше не выдержу такой жизни...

Медленно поднимаюсь с земли, но не могу сделать и шага, чтобы уйти. Оборачиваюсь, а внутри всё сжимается до болезненного спазма в груди. Дикарь неподвижно лежит в тра-

ве, его бездыханное тело практически все покрыто кровью. Из моих глаз снова вырываются горькие слёзы, ручьем бегут по щекам, обжигая их. Не могу... Не могу уйти и бросить его. Он спас мне жизнь. Не задумываясь, подставил себя под угрозу, не позволив пострадать мне...

И вместо того, чтобы бежать, я с опаской приближаюсь к нему на трясущихся ногах. Разорванная рубашка позволяет увидеть могучее, но изнурённое тело мужчины. Опускаюсь перед ним на колени и пытаюсь перевернуть Конора, хочу уложить поудобнее, чтобы хоть немного облегчить ему боль. Примерно с пятой попытки у меня получается сдвинуть его с места. Я сажусь на землю и кладу его голову себе на колени. Окровавленные волосы закрывают лицо Конора, и я аккуратно убираю их в сторону. Суровый варвар сейчас выглядит почти безмятежно. Расслабленное тело едва дышит. Я невесомо прохожусь пальцем по его шраму и меня словно пронзает электрическим током. А следом моя слеза капает на лицо Дикаря, и я вытираю ее ладонью вместе с его кровью.

– Прости... – шепчу я, содрогаясь от собственного плача.

Конор издает надсадный хрип, и я с тревогой вглядываюсь в его искажённое болью лицо. Ощущение беспомощности сковывает меня ледяными щупальцами. Я всей душой хочу ему помочь, но не знаю, чем. Я растеряна, одна в глубине дремучего леса, наполненного непредсказуемыми опасностями, а на моих коленях лежит раненный мужчина.

– Шима, – неожиданно произносит он, заставляя меня за-

мереть от испуга. Даже в таком критическом состоянии его голос наполнен сталью и решимостью. Белая волчица незамедлительно подходит к нему, и Дикарь запускает окровавленную руку в белоснежную шерсть, оставляя на ней алые разводы. Он притягивает волчицу ближе и что-то неразборчивое шепчет ей на ухо, после чего она стремительно исчезает среди деревьев.

А я лишь смотрю ей вслед, но вздрагиваю от неожиданного прикосновения грубой руки.

Конор дотянулся дрожащей ладонью до моего лица, и, чтобы ему было легче, я наклоняюсь ниже, позволяя касаться себя.

– Сэкуи, – хрипит он, едва поднимая уставшие веки. От непривычной нежности в его голосе меня накрывает приятной истомой. Конор с такой теплотой и раскаянием произносит это слово, что мне нестерпимо хочется узнать его значение. И неосознанно я касаюсь его жёстких губ подушечками пальцев.

На что Дикарь довольно ухмыляется, только его лицо тут же искажает болезненная гримаса. Но, не обращая внимания на боль, он продолжает ласково поглаживать пальцами мои скулы.

– Ма икопа, ни каго уо [Не бойся, я не трону тебя], – меня окутывает жаром хриплый голос Дикаря, а его рука мягко переходит мне на затылок. Он плавно притягивает меня к себе, и я не сопротивляюсь. Его нежность завораживает. – А

митава сэгвон [Ты моя весна]...

– Я не понимаю, – сипло шепчу в ответ. Но мне очень... очень хочется узнать, что он говорит. Конор скалится, как голодный волчара, и снова гортанный рык вырывается с его пересохших губ.

Время идет, а я беспомощно сижу рядом с Дикарем. Его начинает знобить, да и я в одной рубашке. Но сейчас я ничего не чувствую. Только страх потерять его. Волки стали подтягиваться к Конору и ложиться вокруг него, согревая своим теплом.

Я хватаюсь за его руку и сильно сжимаю ее, когда мое внимание привлекает треск в чаще леса. Из темноты выходит белая волчица, а следом за ней двое индейцев, один из них мне знаком. Тот самый, что возился с мотоциклом.

Увидев нас, они мгновенно кидаются в нашу сторону. Волки тут же расступаются, позволяя подобраться ближе к Дикарю. Без лишних слов мужчины подхватывают его на руки и несут в неизвестном направлении. Хотя для меня тут любое направление неизвестное. Конор стонет от каждого лишнего движения. Замечаю, как ветки деревьев царапают его израненные руки, вновь причиняя боль.

– Подождите, – я встаю с земли и догоняю их. И только при движении понимаю, насколько сильно замерзли мои конечности, потому что мне приходится заставлять их слушаться меня. Поднимаю и кладу окровавленные руки Конора ему на живот, но внезапно его ладонь крепко обхватывает

мою.

– Йе шни йо, – хрипит Дикарь, не выпуская мою кисть.

В груди вновь волнами разливается мелкая дрожь.

– Что он говорит? – с волнением спрашиваю я, переводя свой взгляд на индейцев.

– Просит тебя остаться, – недовольно бросает парень из гаража. – От женщин вечно одни проблемы.

Откровенное раздражение в его голосе неприятно жалит мое самолюбие, но я решаю ничего не отвечать. Сейчас они вправе злиться на меня.

Индейцы продолжают нести Конора, но мне приходится высвободить свою руку: тропинка узкая, по-другому всем нам не пройти. Я неспешно слеую за мужчинами, ноги едва шевелятся, но особого выбора у меня нет.

Мы вновь возвращаемся в деревню индейцев, где на крыльцо выбегает встревоженная бабушка Тиса.

– Несите его в мой дом, – велит старушка и уводит их за собой.

Дикаря быстро заносят в дом Тисы, и я торопливо захожу следом, не знаю, куда себя деть. Чувство вины разгорается ещё больше, когда я слышу стоны Конора, пока его перекладывают на кровать. Старушка уже шаманит с зельями, а я всё это время стою в стороне, как неприкаянная.

– Он зовет тебя, – небрежно выкрикивает парень, и они все выходят из комнаты.

Я несмело прохожу в спальню и опускаюсь на край кроват-

ти. Изможденный. Беззащитный. Разбитый. Он выжат, как лимон. Я боюсь прикоснуться к нему, чтобы не вызвать очередной приступ боли, но он сам кладёт свою руку мне на колено и крепко сжимает его, пуская по моей коже вихрь чувствительных мурашек, и онемевшее от холода тело вспыхивает взрывным пламенем...

– Помоги мне, – ворчит неожиданно вошедшая Тиса, застав меня врасплох. – Никуда вас отпустить нельзя. Дурные ваши головы, – ставит поднос с травами и сосудом на тумбу, а я в это время стараюсь незаметно убрать с себя руку Конора и оттянуть подол рубашки ниже. – Подними ему голову, – командует она, не переставая возиться с лекарством.

Я заставляю себя подняться и подойти к изголовью кровати. Аккуратно просовываю руку ему под голову и приподнимаю её.

– Ш-ш-ш, – шипит он сквозь зубы.

– Потерпи, вояка! – бабушка не жалеет Конора, а, наоборот, строга к нему. – Пей, – подносит чашу к его рту, и он покорно выпивает все до дна. Я бережно опускаю его голову на подушку, после чего старушка вытирает кровь с лица Дикаря и отстраняется.

– Иди за мной, девочка! – строго подзывает меня. – Он должен немного отдохнуть, пока зелье не подействует, – берет меня под руку и выводит из комнаты.

– Я не хотела, чтобы все так вышло. Я испугалась...

– Помолчи, маленькая. Сначала я сделаю нам чая, а потом ты мне все расскажешь.

Зайдя на кухню, я присаживаюсь за массивный стол и, опершись локтями о его край, устремляю взгляд за окно. Небо заволокли хмурые тучи, по стеклу стучат редкие капли, а спустя пару секунд начинается проливной дождь, застилая улицу плотной туманной дымкой. Вокруг становится заметно темнее и холоднее, ухудшая моё и без того мрачное настроение. Но тоскливое ожидание прерывается, когда на деревянную столешницу опускается глиняная чашка и я улавливаю цветочный аромат, который за мгновение окутывает меня приятным теплом. Только вот моя безмятежность улетучивается, когда старушка садится напротив и выжидающе смотрит на меня.

– Я выпустила волка, которого он запер в клетку...

– Ты всегда ищешь проблем на свое заднее полушарие?

– Бабушка Тиса! Он морил его голодом! Я не могла больше смотреть на это живодерство!

– Маленькая, Конор не изверг. С этим волком у них отдельная история. Этот самец не признает его вожаком стаи. Конор просто воспитывает... своими методами. Минимальное количество пищи он ему давал, чтобы не издох. А женщинам неповадно лезть в такие дела. Ты подрываешь его авторитет, и, поверь, если волк объявится – жди беды. Конор выпустит всю злость на него! И в этом будет только твоя вина! Не зря тебя Шима невзлюбила сразу...

– Это та белая волчица?

– Она мать. Главная волчица в стае. Но даже она не лезла в их разборки!

Я молчу.

– Зачем ты убежала? Ты что, не знаешь, какие опасности поджидают в лесу?!

– Знаете, бабушка, главная опасность на тот момент была в глазах Конора. Он убил бы меня сам, если бы я не сбежала...

– Но в итоге он чуть не погиб, защищая тебя? – старушка удивленно вскидывает бровь. – Очень странно ты рассуждаешь. Если бы он желал тебе зла, разве принёс бы тебя сюда, когда ты поранила ногу? Подставил бы свою грудь под лапы медведя? Если бы он хотел причинить тебе вред, ему было бы ни к чему всё это!

Мне нечего ей ответить, понимание того, что старушка права, заставляет меня задуматься ещё больше. И, прикусив губу, я нервно кручу в руках чашку, не глядя на Тису.

– То-то же! Будешь впредь думать, как рассуждать о том, чего не знаешь!

– А что я должна знать?! Что он держит меня силой и обращается со мной как с вещью?!

– Сейчас тебя никто не держит. Ты спокойно можешь уйти. Тебя никто не остановит.

Я поднимаю на нее усталый взгляд.

– Милая девочка, если бы ты хотела сбежать от него, по-

верь, ты бы не сидела здесь и тем более не сидела с ним там, в лесу.

– Я человек в первую очередь, и мне присуще чувство сострадания. Не нужно переоценивать мой поступок.

– Раз так, вот тебе бинты, тряпки и вода, – старушка показывает в сторону самодельной раковины. – Иди и делай ему перевязку. И пока не поставишь его на ноги, не уйдешь отсюда. А как закончится твое сострадание, будешь свободна на все четыре стороны. Сострадание у нее, видите ли, мои глаза не обманешь, – ворчит себе под нос старушка и уходит, жестикулируя руками в воздухе. Но буквально сразу возвращается с бутылкой из мутного стекла.

– Как придет в себя, дашь ему попить. А жидкостью, – она трясёт тот самый бутыль в руке, – промой открытые раны, это хороший природный антисептик.

Вручив все необходимое, бабушка Тиса выходит на улицу. Дурдом.

В голове каша из тревожных мыслей, которые разрывают меня на части. Выживет ли он? Смогу ли я за ним ухаживать? Насколько я теперь здесь застряну? И как сообщить своим близким, что я жива?.. Ни на один вопрос у меня нет ответа. Но одно я знаю точно: чем быстрее я поставлю его на ноги, тем быстрее вернусь домой. Отбросив размышления в сторону, я допиваю чай, беру тазик с водой и тряпками и направляюсь к Конору. Времени прошло прилично – надеюсь, он пришел в себя.

Глава 16

В комнате тишина, лишь треск камина и танцующее пламя огня оживляют помещение. А в следующее мгновение я ахаю, когда замечаю сидящего на кровати Конора. Опершись локтями о колени, он болтает в руках полупустую бутылку с тем же настоем, что мне дала Тиса. Дикарь запрокидывает голову, поднося горлышко к губам, и тут же содержимое закручивается воронкой и с бешеной скоростью вливается ему в горло, отчего острый кадык судорожно дергается на его широкой шее.

Я осмеливаюсь подойти и вырвать у него бутылку, к которой он присосался словно младенец к пустышке. В нос ударяет резкий запах табака. Неужели он еще и курил здесь? Пару часов назад он вообще не был способен ни на какое действие... Шаманские проделки начинают меня пугать.

Конор сурово сдвигает брови и хочет отобрать бутылку обратно, и я едва успеваю увернуться от него. Но радоваться не спешу, видя, как мой поступок приводит Дикаря в ярость. Издав устрашающий рык, он выпадом хватает меня за шкуру и возвращает на место...

Большие сильные руки так крепко держат меня, что я даже не принимаю попыток вырваться. Громадный, с искажённым от злости лицом, с глазами, полными всепоглощающего пламени. Его мускулы как сталь, но, несмотря на всё это,

Дикарь неуверенно стоит на ногах, а с его пересохших губ изредка слетает болезненное шипение.

– Я тебя очень прошу успокоиться, Конор, и выслушать меня! – с паникой в голосе выпаливаю я, едва сдерживая учащённое дыхание. – Прости... – уже более спокойно шепчу, испуганно уставившись на побитого варвара. – Я не хотела, чтобы ты...

Но он не дает мне договорить и, обхватив горло грубыми пальцами, впечатывает меня в стену. Зелье бабушки Тисы походу совсем одурманило его разум, и даже придало немного сил. Хватит, чтобы придушить меня...

Бутылка мгновенно выпадает у меня из рук, и я вцепляюсь ногтями в его крепкую кисть, пытаюсь хоть немного привести Дикаря в чувство. Такой агрессии он ко мне ещё не проявлял, и это пугает меня и лишает любой надежды на спасение...

За считанные секунды мой взгляд затуманивается, и я вижу лишь две черные точки, которые становятся всё больше и говорят о том, что я скоро умру. Из-за нехватки кислорода, совершенно не отдавая отчёта своим действиям, прикрываю глаза и бессознательно дергаю руками в воздухе.

И только когда из моего рта начинают вырываться сиплые, рваные звуки, Дикарь резко расцепляет свои руки, и я падаю на пол, судорожно хватая ртом воздух, чтобы унять внутреннюю дрожь. Сердце колотится, как бешеное, каждый вдох отдается болью в легких, а горло раздирает непрерыв-

ный кашель.

Будто сквозь вакуум я слышу яростный рев Дикаря, который вынуждает меня вернуться в реальность... Я настолько испугалась, что перед моим взором до сих пор лишь его глаза... черные, пропитанные ненавистью и болью...

А когда Дикарь начинает крушить комнату, я окончательно прихожу в себя и сильнее вжимаюсь в стену от представшей передо мной картины. Не смотря на весь ужас ситуации, сейчас я испытываю некое облегчение оттого, что он нашёл способ иначе выместить свою злость, но, видимо, травмы берут свое, и Конор падает на колени, роняя сдавленный стон.

С минуту он не двигается, только его широкие плечи неровно вздымаются и опускаются от быстрого дыхания. Кажется, что я даже дышу в унисон вместе с ним. И, вопреки логике и здравого смысла, мне отчаянно хочется узнать, что происходит у него в голове?.. О чём он думает?.. Что он чувствует?.. Ведь помимо злости в его взгляде было что-то ещё, но как мне понять этого мужчину?! Ведь мы даже поговорить не можем...

Конор делает глубокий вздох и, успокоившись, он неспешно поднимается и шаткой походкой возвращается на кровать. Постепенно его прерывистое дыхание выравнивается, а искажённое лицо сменяет усталость.

Я растираю шею, которая все еще неприятно саднит после его жестокой хватки. Я не оправдываю Конора, но сей-

час он имеет полное право ненавидеть меня, во всем произошедшем есть моя вина... если бы я только знала, чем все это обернется... если бы могла повернуть время вспять и исправить свой необдуманный шаг...

Под гнётом тяжёлых мыслей, я аккуратно поднимаюсь на ноги и, взяв в руки стоящий у дверей тазик, направляюсь к моему подопечному. Поставив всё на пол у кровати, слегка отжимаю тряпку и, убрал запястьем упавшую прядь волос с лица, несмело опускаюсь перед Дикарём на колени.

Почувствовав терпкий запах алкоголя, я немного насто-раживаюсь, но попыток уйти не предпринимаю. Как бы мне этого ни хотелось, поступок, который он совершил, не может оставить меня равнодушной. И самое малое, что я могу для него сделать, – это поухаживать.

Глава 17

Конор не смотрит на меня, его голова опущена. А моим вниманием мгновенно завладевают глубокие и сильно кровоточащие раны. Я неаккуратно дотрагиваюсь до его искалеченной груди, и лицо варвара тут же болезненно искажается. Но, подняв поникший взгляд, он всё же расправляет свои плечи, позволяя мне обработать увечья от схватки с медведем.

Не желая причинять Конору лишнюю боль, я стараюсь как можно мягче прикоснуться к нему, бережно промакивая ца-

рапины и собирая кровь тканью. На глазах невольно наливаются слезы и, не задерживаясь, бегут по щекам, как весенние ручьи.

Он мог погибнуть. Но все равно спас меня...

– Чейе шни йо [Не плачь], – Дикарь дотрагивается грубыми пальцами до моего лица и стирает слезы. Его голос тяжелый и глухой. Но я не отталкиваю. Лишь, замерев на месте, смотрю в его глубокие карие глаза, в которых больше нет ярости.

– Ты мог погибнуть... из-за моей глупости... – шепчу дрожащим от слёз голосом, продолжая промывать порезы. – Я испугалась... за тебя...

Конор вновь обрывает мою речь, загребая меня в свои кровавые объятия, и, уткнувшись мне в волосы, хрипит:

– Сэкуи, – он снова произносит это слово с особенной теплотой и сжимает меня ещё крепче, будто жалеет о своей грубости. Отчего в груди словно обжигает огнём, перехватывая моё дыхание.

– Нужно промыть твои раны, – едва слышно говорю я сквозь слезы и отстраняюсь, но он притягивает меня обратно. Властно, но нежно. Утыкается в мой лоб своим и еле касается моих губ, а у меня ощущение, будто к ним раскаленный камень приложили.

– Я не могу... – упираюсь ему ладонью в грудь и пытаюсь отстраниться, но его нежность сразу улетучивается, и пальцы жёстче сжимают волосы, не позволяя отдалиться от него.

– Митава вин [Моя женщина], – в его и без того грубом голосе металлом звенит раздражение. И я принимаю решение ничего не говорить, он сейчас взвинченный, а я в роли сапера, при любом неверном движении мне угрожает опасность. Резкий запах спирта говорит о том, что дикарь прилично пьян... Не стоило мне приходить к нему одной.

– Успокойся, – тяжело дышу и пытаюсь не перейти на крик. Это собственническое отношение, словно к игрушке, меня порядком раздражает. – Не делай мне больно...

Конор выпускает мои волосы, но по-прежнему удерживает меня на своих коленях, жёстко сжимая в своих объятиях. От такой близости я нервно сглатываю и пытаюсь отвернуться, но он уничтожает мою попытку, властно притянув за шею обратно. Внутри вспыхивает пугающее чувство, которое обездвигивает меня. Сердце усердно тарабанит по рёбрам из-за собственной беспомощности и невозможности выбраться из хищного капкана Дикаря. От одного его пронзительного взгляда я становлюсь слабой. Одним только взглядом он уничтожает во мне любую мысль на сопротивление. Он гипнотизирует меня чувственной глубиной карих глаз. Словно вливает взглядом в мои вены своё дикое желание, разжигая во мне мучительное пекло.

– Ты пьян... – Но он больше не позволяет мне говорить, резко затыкая мой рот своим. Жадно захватывает нижнюю губу и слегка оттягивает ее зубами, вырывая из меня томный стон.

От его необузданного натиска дыхание становится частым и глубоким, но воздух с трудом проникает в мои лёгкие, словно меня затянули тугим корсетом. Конор бесцеремонно берет меня в плен своих горячих губ, царапая тонкую кожу грубой щетиной. От тяжелого наслаждения, которое дарит его варварская ласка, веки наливаются свинцом и сами собой опускаются.

От вкуса его губ моя скованность незаметно сменяется лёгкой эйфорией. А терпкий аромат табака и пряной хвои утяжеляют ноты крепкого алкоголя, окончательно вскружив мне голову

Боже, от него пахнет настоящим мужчиной. Низ живота начинает заметно дрожать от желания, которое он пробуждает своим яростным напором. Не могу ему противостоять. Уже давно понятно, что между нами перестрелка флюидами, наши тела вопреки всему тянутся друг к другу.

Впиваюсь ногтями ему в грудь, забыв про его рану... но хриплый болезненный стон напоминает о ней, и я тут же отстраняюсь. И Конор не противится. Ощущаю, как мои щеки пылают, а жар от огня в камине заставляет их гореть еще ярче. Распухшие губы моментально пересыхают без его влажных поцелуев, и я пробегаюсь по ним кончиком языка, утоляя потребность вновь ощутить вкус этого варвара. Несмотря на причинённую ему боль, Конор не отрывает от меня взгляда и не позволяет слезть со своих коленей.

– Нужно обработать... – от перевозбуждения мой голос

осип и застревает в напряженном горле.

Дикарь слегка приподнимает меня и скидывает на кровать, а сам, тяжело поднявшись на ноги, выходит из комнаты неуверенной походкой. Он слаб. Как бы он ни старался это спрятать от меня, я вижу. Хотя сейчас именно тот момент, когда я могла убежать, и всё предоставляло мне эту возможность... но почему-то я этого не сделала... Более того, я сама вернулась за ним в дом, как верная собачка за хозяином.

Прежней Ады больше нет и не будет... Но присутствующий в моем сердце Говард все же не дает окончательно забыть, кто я, и что я должна вернуться домой... к нему. Смогу ли я вернуться к прежней жизни? Смогу ли принять нежного Говарда после дикого зверя? Не знаю... Знаю одно: сейчас я не могу оставить Дикаря одного... и не знаю почему. Даже не хочу себя об этом спрашивать. Просто делаю то, что считаю нужным в данный момент, а последствия... А последствия буду разгребать потом...

Я тяжело вздыхаю, стараясь заглушить в себе взбунтовавшийся отряд мыслей. В этот момент Конор возвращается в комнату с новой бутылкой, и вручает ее мне вместе с чистой тряпкой, похожей на марлю.

Он садится на кровать и демонстративно расправляет свою грудь. Я вновь опускаюсь перед ним на колени и, намочив тряпку содержимым из бутылки, невольно морщусь: крепкий запах спирта вперемешку с еловым ароматом ударяет прямо мне в нос. Но, постепенно привыкая к «благоуха-

нию», я начинаю аккуратно промакивать рваные борозды на его коже.

Слегка отодвинув меня в сторону, Конор наклоняется и, взяв бутылку, поливает прямо из нее себе на грудь. А из его рта вырывается рычание, и губы мгновенно искривляются в неприятном оскале. Не медля ни секунды, он алчно припадает губами к горлышку и запивает свою боль. На что я лишь отрицательно качаю головой, глядя на него исподлобья.

– Алкоголь лишь на время заглушит твою боль, а после будет только хуже, – ворчу себе под нос и промакиваю его грудь более интенсивно.

Конор захватывает мой подбородок большим и указательным пальцем и слегка задирает мне голову. Его глаза как крепкий кофе с коньяком – опьяняют разум и будоражат кровь. Не люблю кофе, но глядя в бездонный взгляд Дикаря, я чувствую себя настоящей кофеманкой, которой необходима очередная порция этого бодрящего напитка.

Конор вырывает меня из странного гипноза, поднеся к моим губам бутылку, из которой доносится резкий запах, что вновь ударяет мне глубоко в нос.

Я брезгливо морщусь и тут же отдергиваю лицо.

– Я не буду пить это гадкое пойло, – огрызаюсь я.

– Ук [Пей], – жестко приказывает Дикарь.

– А если не буду? Заломаешь и зальешь в глотку силой? – я сдвигаю брови, устремляя взгляд прямо на варвара.

Он слегка подается вперед и ухмыляется, скользя шероховатыми пальцем по моей губе.

– Ниш каль таку минага [Твои губы как черника], – пристально смотрит на них, очерчивая пальцами контур, и снова подносит эту чертову бутылку к моему лицу.

– Ук [Пей], – на этот раз в его голосе я не слышу приказа, лишь просьбу. Я перевожу на него недовольный взгляд, и даю согласие, приоткрыв рот. Он подносит горлышко еще ближе – я обхватываю его губами и слегка задираю голову назад, опрокидывая в себя горькое содержимое. Огненная жидкость мгновенно обжигает меня изнутри, и я отстраняюсь от бутылки, с трудом подавляя кашель. Мне приходится зажать ладонью рот и, подняв брови домиком, я смотрю на Дикаря снизу вверх, замечая, как его окровавленная грудь слабо содрогается от тихого смеха.

– Акичита вин [Воинственная женщина], – горделиво говорит Дикарь низким басом и делает очередной глоток мерзкого пойла. Но я опять выхватываю у него бутылку и незамедлительно поднимаюсь с колен – теперь я возвышаюсь над Конором. Только обрадоваться своей маленькой победе я не успеваю. Он, не теряя возможности, по-хозяйски запускает мозолистую ладонь мне под рубашку, обжигая своими требовательными прикосновениями обнаженную кожу ягодиц.

– Убери руки! – я шлепаю по его наглой руке и раздражённо отдергиваю её от себя.

У него в мыслях есть хоть что-нибудь кроме сексуальных

домогательств!?

– Встань и повернись спиной! – командую я, но моя решительность начинает таять, когда из груди Конора вырывается раскатистый смех, который он явно не может сдержать. Даже несмотря на то, что этот смех причиняет ему дискомфорт.

– Я сказала что-то смешное? – рычу на него, не скрывая своего раздражения. – Так, моему терпению пришёл конец! Либо ты разворачиваешься и я обрабатываю твою спину, либо я ухожу...

Но договорить я не успеваю. Его руки ловко обвивают меня за талию, и в следующее мгновение я оказываюсь у него на коленях. Замираю, неотрывно глядя на его жесткие губы, а когда он их облизывает, невольно сглатываю. И, чтобы не утонуть в ненормальном желании прикоснуться к ним, я вздёргиваю подбородок, пытаюсь вложить в свой взгляд холодное безразличие. Сейчас он изрядно пьян, и, чтобы не спровоцировать его, я судорожно прикидываю варианты в голове, как мне аккуратно выбраться из объятий этого взрывоопасного мужчины.

– Я устала и хочу спать...

– Уачин уо [А я хочу тебя], – пылко шепчет Дикарь и, сдернув рубашку с моего плеча, впивается грубым поцелуем в ключицу, вырывая из моей груди стон. Господи, я когда-нибудь закончу эту чёртову перевязку?! Это какой-то эротический кошмар, из которого я уже сама не хочу выбираться. И всё из-за него. Он будто околдовал меня, опоил

зельем, и сейчас я снова на грани иступления. Конор так страстно вжимает меня в себя, клеймя горячим языком по коже, что отнимает своим жаром последнюю возможность сохранить шаткое самообладание... Я неосознанно начинаю ёрзать на коленях Конора, и, упершись в его каменную эрекцию, ощущаю, как каждый рецептор в моем теле мгновенно пронзают тысячи электрических разрядов. Он издевается надо мной, дразнит, мягко прикусывая зубами и слегка оттягивая кожу. Уже сама выгибаюсь навстречу его ласкам, больше не в силах сдерживать учатившееся дыхание. С каждым вздохом во мне все ярче вспыхивает желание, что мучительно разливается внизу живота приятной истомой.

– Я не думала, что ты воспримешь мои слова в таком смысле, – голос бабушки Тисы окатывает меня, словно кипяток. Я тут же отталкиваю Дикаря и спрыгиваю с его коленей.

– Деточка, ему нужно окрепнуть, прежде чем поддаваться плотским утехам.

Я пытаюсь выдавить хоть слово в свою защиту, но в груди так сперло, что я молча сгораю со стыда. Лишь мои щеки пылают огнем, и теперь единственное, чего я хочу, – провалиться сквозь землю...

Не дожидаясь моего ответа, Бабушка Тиса выходит из комнаты, но легче мне от этого не становится. В груди разливается неприятное жжение... И, кинув тряпку в лицо Конору, я пулей вылетаю следом за ней.

– Закончила перевязку? – как ни в чем не бывало спра-

шивает Тиса.

– Бабушка Тиса, то, что вы видели... – я запускаю пальцы в волосы. – Это...

– Дочка, о чем ты? Я ничего не видела, – старушка продолжает возиться на кухне.

Я непонимающе смотрю на Тису, пытаюсь разгадать причину её странного поведения.

– Доделай перевязку и уложи своего спасителя на боковую, я сегодня устала, – равнодушно продолжает бабушка.

– Х-хорошо...

В растерянности, я бреду обратно в комнату... к этому развратному животному. И, заметив довольного Конора, распластавшегося на кровати, я мгновенно вспыхиваю от яркого чувства злости к нему.

– Вставай! – выпаливаю я, даже не стараясь скрыть своего раздражения. Он поставил меня в неловкое положение. Ещё и перед кем! Несносный зверь с повышенным либидо, а я идиотка, позволившая ему овладеть собой!

Я подхожу ближе и, подняв тряпку, выжидаяще упираю руки в бока, всем видом показывая ему своё недовольство, на что уголки его губ подрагивают и лениво поднимаются вверх. Но Дикарь выполняет мою просьбу и медленно присаживается на край кровати. Я тут же приступаю к обработке ран. Не церемонясь, дезинфицирую израненную грудь и спину, а затем начинаю перевязывать бинтом, не обращая вни-

мания, как из его мощной груди вырываются редкие стоны.

– Потерпишь! Как в постель тащить, так ты здоров, а как боль потерпеть – скулишь, – бурчу себе под нос, смахивая с лица выпавшую прядь волос. Замечаю, как он смотрит на меня с затаенной усмешкой. Но хотя бы руки больше не распускает. – Меня здесь держит только то, что ты спас мне жизнь... Как только отблагодарю тебя, я вернусь домой! Ты понял меня? – заканчиваю перевязку и отстраняюсь от него.

Молчит. Только густые брови искажают лицо хмурой гримасой. А в следующее мгновение он хватает меня руками и заваливает на кровать.

– Истима йо [Спать], – прибывает он своим хриплым басом. И, только приняв горизонтальное положение, я понимаю, насколько устала. Сил отбиваться больше нет.

Почувствовав мое расслабление, он с шипением устраивается на боку поудобней и, притянув меня ещё ближе, зарывается в мои волосы.

Чувствую, как локоны цепляются за его жесткую бороду, а затылок опалает жаркое дыхание Конора, отчего мне становится немного не по себе. Шея и затылок мои самые слабые места, а уж с таким необузданным мужчиной все ощущения усиливаются во сто крат. Но последние события вымотали меня до изнеможения, и я отдаюсь во власть сна...

От удушающего жара я не могу даже пошевелиться, дыхание даётся с трудом и каждый вдох отдается паникой в моём сознании. Ощущение, что я в самом пекле вулкана. Но чужие хриплые стоны и шероховатая ладонь на моем бедре прогоняют остатки тяжёлого сна.

Я с трудом выбираюсь из рук Дикаря и отскакиваю на край кровати. Судорожно хватаю ртом воздух, который мне жизненно необходим после горячих объятий, и замечаю, что рубашка на мне влажная и прилипла к телу. Подбегаю к окну и, раздвинув плотные шторы, жмурюсь, когда спальню заливает яркий солнечный свет.

Проморгавшись, я оборачиваюсь, чтобы осмотреть Конора, но потрясённо замираю, разглядывая его пальцы с запекшейся на них кровью, которыми он с силой сжимает простыню и стонет, стискивая зубы до скрипа. На измученном лице выступают крупные капли пота, а на влажных бинтах кое-где заметны бурые пятна просочившейся крови.

Подойдя ближе, я вижу, что он насквозь мокрый, и всё, что касалось его тела, – тоже, включая мою рубашку... Дотрагиваюсь до его лба и тут же отдергиваю руку. Кипяток. С такой температурой обычно люди не выживают.

Не медля ни секунды, я выбегаю в главную комнату и кричу:

– Бабушка Тиса!

Тишина.

Вот когда она нужна, ее нет! Бегу на кухню – и там никого.

Хватаю первую попавшуюся тряпку и, намочив ее холодной водой, возвращаюсь в комнату.

Прикладываю ко лбу Конора, чтобы хоть как-то облегчить его состояние. Думаю, если сейчас поставить градусник, то он закипит как чайник, а ртутный столбик мгновенно взорвется. Нужно срочно найти бабушку Тису.

Я поднимаюсь с кровати, но Дикарь слабо хватает меня за руку... и останавливает хриплым голосом:

– Не уходи...

До меня не сразу доходит, что я понимаю его речь, но когда осознаю это, сердце болезненно сжимается, словно острые, как иглы, шипы прокололи его насквозь.

В полной растерянности, я сажусь на край кровати и стискиваю его влажную ладонь руками.

– Что ты сказал? – переспрашиваю, чтобы убедиться, не сошла ли я с ума.

– Я хочу... – он сглатывает и с усилием продолжает, – чтобы ты осталась. – Его глаза закатываются, словно в бреду, и он снова отключается.

Я незаметно высвобождаю свою руку. У меня нет сил наблюдать, как человек пропадает от лихорадки. Ему нужна помощь и как можно скорее. А шаманские способности Тисы – единственное, что сейчас спасет Конора.

Выбегаю на улицу, жадно хватая ртом свежий воздух. Вид у меня, конечно, непрезентабельный, но мне нужно найти старушку.

– Бабушка Тиса! – кричу с крыльца, оглядываясь по сторонам, потому что не знаю, куда податься. – Конору плохо! – не прекращаю кричать в надежде, что меня хоть кто-нибудь услышит, но всё тщетно.

Спускаюсь по ступеням, чувствуя мелкую дрожь в ногах, но я стараюсь не обращать на это внимания, и быстрыми шагами направляюсь вдоль улицы.

В деревне будто все вымерли – никого. Делать нечего, и я иду в единственный знакомый мне дом – жилище вождя.

Бесцеремонно забежав внутрь, я тут же замираю на месте, ощущая сухое, палящее чувство неловкости. За большим обеденным столом, кажется, собралось всё поселение, которое моментально обращает всеобщее внимание на меня. Включая и самого вождя. Старик пристально смотрит мне в глаза и, не выпуская изо рта большую чёрную трубку, оценивающе скользит взглядом по моему внешнему виду. Смущение не заставляет себя ждать и обдаёт жаром мои щеки, отчего, переминаясь с ноги на ногу, я старательно оттягиваю окровавленную рубашку вниз, пытаюсь скрыть обнажённые ноги.

– Конору плохо, – бормочу осипшим от волнения голосом.

Шаманка перекидывается парой фраз с вождём и не спеша поднимается из-за стола, направляясь в мою сторону.

– Что случилось, маленькая? – В попытке идти быстрее она поднимает тяжёлый подол платья, который мешает ей пе-

редвигаться.

– У него сильный жар... Очень сильный.

– Идем, – взяв меня за запястье, она увлекает за собой. Но я сама беру ее под руку, чтобы облегчить старушке спуск с лестницы.

– Бабушка... он говорил...

– И что в этом удивительного? – тихонько посмеивается старушка.

– Он говорил на родном языке. Я понимала его.

Тиса останавливается, и я замечаю, как на ее красивом, хоть и морщинистом, лице расцветает тёплая улыбка.

– Что? Почему вы улыбаетесь?

– У нас есть шанс, маленькая, – хлопает она меня по руке. – Есть шанс на возвращение его памяти.

– Но как?! Как такое возможно?! Он же... – Закрываю глаза в попытке переварить происходящее и, сделав большой глоток воздуха, продолжаю. – Он же буквально несколько часов назад не знал и буквы по-английски.

– Милая, в иной раз причуды человеческого организма неподвластны никакому рациональному объяснению. Ты даже не представляешь, какому стрессу люди подвергаются под воздействием лихорадки. Один вьетнамец после сильнейшего жара потерял сон. И по сей день живет и бодрствует двадцать четыре часа в сутки. И он абсолютно здоров. Так что нужно всегда верить в чудо.

Это, конечно, всё здорово, только вот я слабо верю в сказ-

ки, но после знакомства с Дикарем и его окружением уже начинаю думать иначе, ведь быль становится явью: дружжелюбные волки, шаманские проделки, чудесное возвращение родной речи...

Под собственный полёт мыслей я немного абстрагируюсь от Тисы и возвращаюсь в реальность, только когда мы подходим к ее хижине. Я помогаю неторопливой старушке подняться на крыльцо, но резкий грохот, доносящийся из комнаты, заставляет нас ускорить шаг.

– Иди к нему, – бормочет на ходу Тиса, – а я быстро процежу травяной отвар.

Заходить в комнату одной не очень хочется и даже страшновато, учитывая его недавнюю реакцию, когда он вцепился мне в горло. Но я пересиливаю страх и открываю дверь... Конон сидит на полу возле кровати с поникшей головой. Быстро обвожу помещение взглядом, фиксируя погром, который он устроил: прикроватная тумба опрокинута, а всё, что стояло на ней, разбросано по полу.

– Конон, – опускаюсь перед ним на колени и обхватываю его лицо ладонями. Жесткая щетина колет мне пальцы, но я начинаю привыкать к ней. – Конон, ты слышишь меня? – Заглядываю в его полуоткрытые глаза. По всей видимости, жар только усилился, отчего его дыхание стало более тяжелым и хрипящим.

– Ты здесь, – лениво ухмыляется, словно пьяный. – Я ду-

мал, ты сбежала... – произносит из последних сил, медленно облизывая пересохшие губы. Сейчас этот громадина абсолютно беззащитный, без привычной брони. Уязвимый, как младенец.

– Я никуда не уйду, – стараюсь вложить в голос как можно больше мягкости и теплоты. Пусть пока думает, что я останусь. В такой момент не время выяснять отношения. – Подожди, я принесу тебе воды.

Только я не успеваю отстраниться от него. Конор касается моего лица своей горячей ладонью, вынуждая меня застыть на месте. Он с несвойственным для него трепетом гладит мои скулы, пытаюсь смотреть мне в глаза, но его голова будто не держится на плечах и заваливается вперед. Я бережно опускаю его обессиленную руку и, не задерживаясь, выхожу из комнаты в поисках старушки.

– Бабушка Тиса, – застаю её на кухне, – ему нужно попить.

– Вот, я уже приготовила. Напой его, а я пока сделаю еще одно средство, чтобы сбить жар.

Беру большую кружку с водой и несю обратно в комнату. Конор сидит всё в той же неподвижной позе, опершись всем телом о кровать. Присев рядом с ним на пол, я одной рукой приподнимаю его голову.

– Попей.

Подношу кружку к его губам, и Конор жадно припадает к ней и выпивает жидкость судорожными глотками, половину проливая на себя.

– А-а-а, – протяжно выдыхает он и откидывается назад. Отставляю кружку в сторону.

– Тебе нужно лечь в кровать, – я встаю, начиная приводить постель в более-менее приличное состояние. Быстро сворачиваю мокрые простыни в комок и скидываю на пол.

– Давай, – подхожу к нему. – Я помогу. – Пытаюсь его поднять, но добраться до кровати получается только совместными усилиями, и, когда я уже почти уложила его, в спальне появляется Тиса с подносом в руках.

– Деточка, помоги мне, принеси с кухни ещё таз с водой, – отдаёт она указание, а я молча иду выполнять ее просьбу.

В голове до сих пор не укладывается, что он вспомнил свой язык. Может, теперь удастся спокойно с ним поговорить о моем освобождении? Витая в своих мыслях, я не замечаю порог и запинаясь об него, расплескивая воду из таза. – Чёрт! – Осторожно переступаю через лужицу на полу, а в нос ударяет опьяняющий запах цветов и трав. Я даже останавливаюсь, чтобы вдохнуть полной грудью.

– Что ты там застряла? – подгоняет меня старушка.

– Я пролила немного. Чем можно вытереть? – Ставлю таз на пол, когда вхожу в комнату.

– Побудь с Конором, я сама всё уберу. Лекарство он выпил, но ты продолжай прикладывать ему смоченные в отваре повязки! Как можно чаще! – строго наказывает шаманка, прежде чем уйти.

И вот, оставшись наедине со спящим Конором, я, больше не в силах сдерживать усталость, роняю мучительный вздох. Такое ощущение, что бабушка в роли свахи. Создает любые условия, чтобы мы как можно больше времени проводили вместе. Я поднимаю тумбу и собираю разбросанные вещи, затем смачиваю в отваре тряпку и выжимаю её, прежде чем приложить ко лбу Конора. Я тоже решаю прилечь отдохнуть, тем более что особых вариантов досуга у меня нет. Обхожу кровать и ложусь с другой стороны, машинально устремляя взгляд в потолок, но он будто магнитом притягивается к Конору, и я поворачиваюсь набок.

Смотрю, как размеренно поднимается при дыхании его мускулистая грудь. Опираюсь на локоть и убираю спутанные волосы с его мужественного лица. Красивые волевые брови сейчас не выражают никаких эмоций, а карамельная кожа покраснелась от жара. Хочется прикоснуться, провести пальцами по его шрамам, почувствовать... Но не делаю этого и убираю руку, устало откидываясь на спину.

Теплые лучи солнца греют, ласкают меня, погружая в сладкую негу, и блаженная дрема без разрешения накрывает меня с головой...

Просыпаюсь я от обжигающих прикосновений пальцев – его пальцев, – что сейчас жадно исследуют мою шею...

ДИКАРЬ

Лихорадка отступила, и головная боль понемногу успокаивается. Но суставы всё ещё ломит, и любое движение дается с трудом. Однако всё это меркнет, когда я вижу ее... спящую рядом со мной. Бархатная щечка безмятежно покоится на маленькой ладони. Тихое сопение слегка касается моей кожи, и я боюсь пошевелиться, чтобы не спугнуть ее. Она не сбежала, хотя могла... Неужели после всех грубостей карглазка разглядела во мне что-то большее, нежели дикого зверя, которому хватило одного взгляда тогда в лесу, чтобы сорвало голову от желания обладать ей?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.